

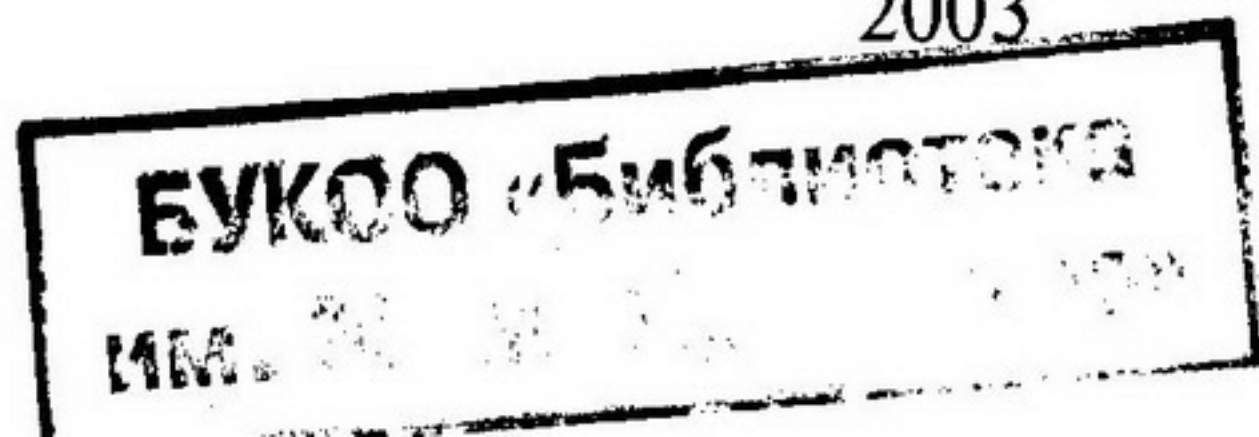
Твоё слово о подвиге

Министерство культуры Российской Федерации
Управление культуры администрации Белгородской области
Государственная детская библиотека А. А. Лиханова

Твоё слово о подвиге

Сборник творческих работ детей

Белгород
2003

Твое слово о подвиге. Сб. творческих работ детей. Ред.-сост. В. Н. Черкесов. — Белгород, 2003. — 144 с.: ил.

В книгу вошли стихи, рассказы, очерки, заметки детей Белгородской, Курской и Орловской областей — участников межрегионального литературного конкурса творческих работ «Твое слово о подвиге», который был посвящен 60-летию Победы на Огненной дуге.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации

**Редактор-составитель Валерий Черкесов.
Оформление обложки Антона Черенкова, г. Губкин.
Художник-дизайнер Сергей Бутылин.**

В книге использованы рисунки учащихся детских художественных школ Белгорода и Белгородской области.

© Государственная детская библиотека А.А. Лиханова, 2003.
© Черкесов В.Н. — составление, 2003.

В память поколений

Сохранить и упрочить связь времен, пробудить у детей чувство гордости за свою Родину — важная миссия детского библиотекаря. Межрегиональный проект «В память поколений», инициатором и организатором которого стала Белгородская государственная детская библиотека А.А.Лиханова, направлен на сохранение у подрастающего поколения памяти о ратных подвигах наших воинов, которые принесли Великую Победу.

60-летие Победы в сражении на Курской дуге или, как еще ее называют, Огненной отмечалось во всей нашей стране. Но особенно в тех областях, где проходила эта великая битва, — в Белгородской, Курской, Орловской. И вполне закономерно, что в этих территориях прошла литературная эстафета. Одним из ее направлений был конкурс творческих работ юных авторов — читателей детских библиотек, который проходил под названием «Твое слово о подвиге». Ребята в стихах и прозе рассказали об участниках боев на Огненной дуге, о своих дедушках и бабушках, которые на фронте и в тылу приближали День победы.

Читаешь книгу и понимаешь: потомки славных воинов земли русской на самом деле сказали свое слово о подвиге, и не просто написали, а прочувствовали сердцем и душой, постигли разумом героическую и в то же время трагическую страницу истории нашего народа. Понимаешь, какие у нас талантливые дети и молодежь, испытываешь уважение к юному поколению, которое растет настоящими патриотами Отчизны, настоящими гражданами большой и малой Родины, веришь в то, что благополучие и процветание России начинаются с воспитания и укрепления национального самосознания, гордости и достоинства за прошлое, настоящее и будущее нашей страны.

Впереди новая славная дата — 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Я думаю, я уверена, что белгородские, курские и орловские ребята, вдохновившись, напишут и об этом не менее трогательные строки, которые действительно войдут в память многих и многих поколений.

Дорогие ребята и взрослые, прочитайте эту книгу! Она — наша общая Память.

Т. В. Петрова,
директор Белгородской государственной
детской библиотеки А. А. Лиханова.

В память о погибших. Прохоровка

Алексей Сапрыкин, 14 лет, г. Старый Оскол

*Елена НЕМЦЕВА, 14 лет
с. Беленихино,
Прохоровский район,
Белгородская область*

ЗВОННИЦА

Свистнет звонко электричка,
Загремит, вздохнет и тронется.
И сквозь шум чирикнет птичка:
«Танковое поле!», «Звонница!»

Здесь и правда танки встали
На асфальте в ровный строй—
Грозный сплав брони и стали.
Но не снится им покой.

Дула башенных орудий
Все на Запад повернули,
Словно здесь воюют люди,
Как в жестоком том июле.

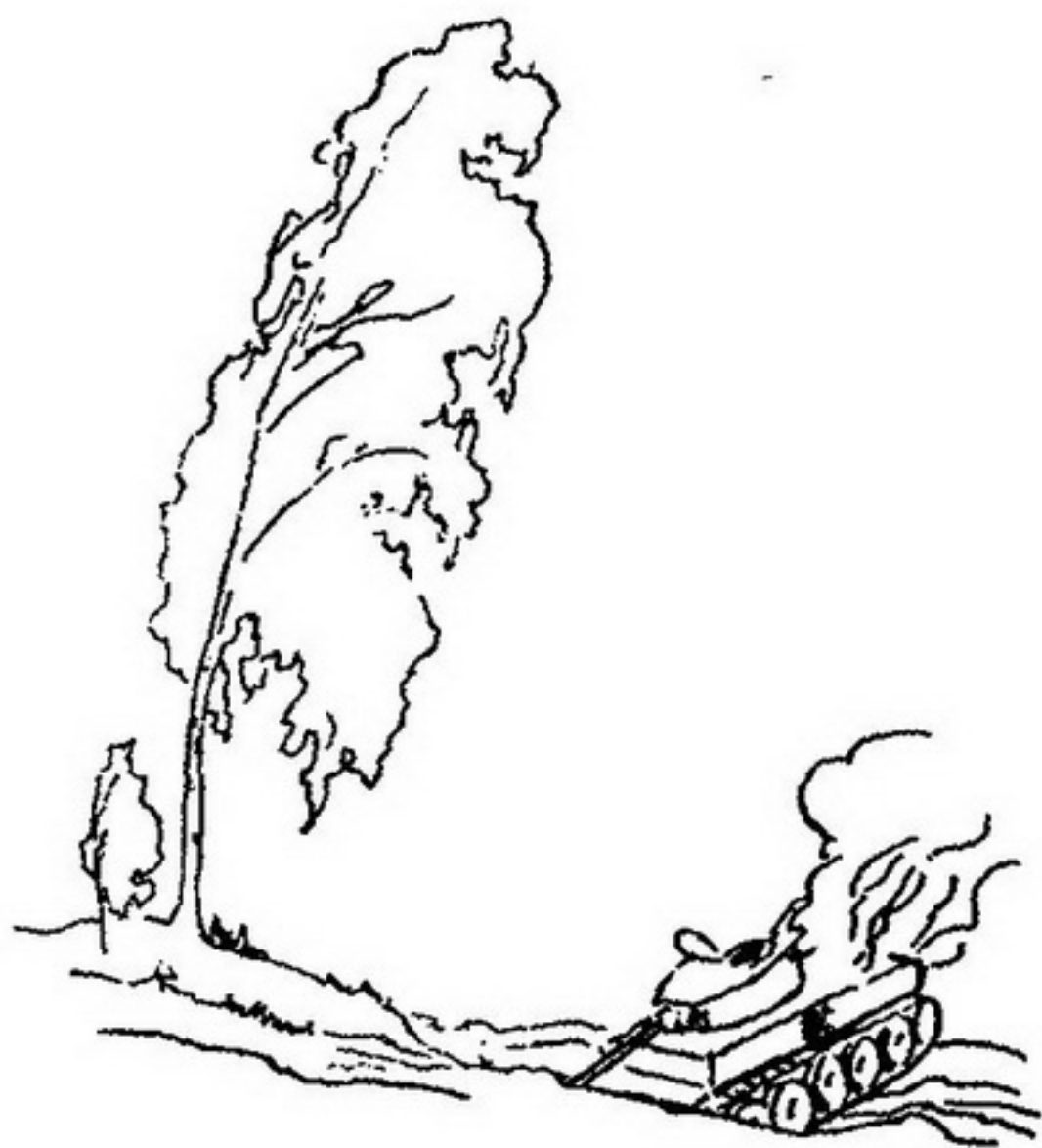
Только стоит веки смежить:
Вместо волн пшеничных в поле —
Гарь и дым, металла скрежет,
Кровь и боль, и смерть, и горе.

Пулеметных строчек нити,
Грохот танков, рев вокруг,
И почти уже не виден
В черном небе солнца круг.

Свет дневной исчез во мраке,
Лишь земля краснеет тут.
Как алеют ярко маки,
Что у Звонницы цветут!..

Берегут покой героев
Мрамор, золото, гранит,
Но тревожным гулким боем
В поле колокол звонит.

Колокол звонит упорно,
Безымянных, рядовых
Выкликаая поименно,
Чтобы не забыть живым.

Орловщина — мой край родной...

Папа вернулся

Анастасия Моор, 11 лет, г. Белгород

Память жива

С большим душевным трепетом пишу это маленькое предисловие — так взволновала меня работа по подведению итогов литературной эстафеты «В память поколений» и поездка с группой победителей нашего областного этапа на Белгородскую землю, политую густой кровью сражений Курской дуги, на Прохоровском поле.

60 лет минуло с той поры, но жива наша генетическая, передававшаяся новым поколениям память о тех героических днях и событиях. И далеко не случайно так много на моей земле подрастает совсем юных, таких как Саша Арнаутова, и уже достаточно взрослых, таких как Кристина Лешкевич и Алексей Карпов, будущих граждан России. Как они любят Родину, как чутко связывают ушедшие в историю события с нашей весьма непростой современностью с ее непрекращающимися войнами и терактами!

Можно с уверенностью смотреть в будущее России, зная, что ее живая история переходит в надежные руки и в благородные, патриотические сердца.

*Вадим ЕРЕМИН,
член Союза писателей России
г. Орел*

*Алексей КАРПОВ, 13 лет
п. Знаменка,
Орловский район*

Воспоминание-предостережение

Сидят ветераны,
Вспоминают войны:
Дед — ту Великую,
Отец — Афган,
А брат — Чечню...

Слезами ужаса
Мои глаза наполнились:
Мне б только
Не придумали войну!..

*Александра АРНАУТОВА, 9 лет
г. Болхов*

Шел жаркий бой

Шел жаркий бой, гремела сеча,
Огня вздымался океан,
И всюду можно было встретить
Сражающихся болховчан.
Они свою вложили долю
Достоинно в общие дела
И смело шли на поле боя,
Куда Отчизна их вела.
А сколько орденов, медалей
И боевых других наград
Отчизна щедро выдавала
Тебе, наш болховской солдат!

*Николай КУЗЬМИН, 10 лет
д. Липовец,
Ливенский район*

Не будем забывать

Мой дедушка Миша не воевал.
Годами не вышел, на фронт не попал.
В войну комсомолец, безусый юнец
Он был трудового фронта боец.

А брат его старший не уцелел,
Под Понырями в танке сгорел.
Гремели «Катюши», разящие цель —
Шла операция «Цитадель».

Я мысленно вижу события эти,
Как на компьютерной яркой дискете.
Ах, если б действительно, с помощью пульта
Можно помочь бы было кому-то!

Остался живым бы дедушкин брат
И тысячи наших русских солдат.
Но павших в бою никому не поднять...
Мы просто не будем о них забывать!

*Лилия МАМЕДОВА, 15 лет
г. Мценск*

Худая босоногая девчонка

*Посвящается
нашей маме и бабушке
Ширяевой Надежде Ивановне*

Худая босоногая девчонка
Плакала тихонько у реки.
Худая босоногая девчонка
Вспоминала мирные деньки,

Когда улыбки радостью светились
На бодрых лицах взрослых и детей,
Когда и пели вместе, и трудились
На деревенской стороне своей...

Казалось, это было так недавно,
Но песнь былая больше не слышна.
Безжалостно, неистово, внезапно
Все унесла проклятая война,

Тот первый залп забудется едва ли...
И с ним пришла великая тоска.
Ведь с каждым днем все ближе подступали
К Орловщине немецкие войска.

Готовясь к испытаньям многодневным,
Услышали чужое «Hande hoch!»
И вот впервые по родной деревне
Прошел фашистский кованый сапог.

Не по дороге запыленной немца
Сапог тяжелый кованый шагал —
Прошел он словно по людскому сердцу
И самое святое растоптал.

Протяжным громким плачем огласились
Окрестные крестьянские дома,
Когда в селе фашисты появились —
Коричневая страшная чума.

Смотрели дети с страхом и надеждой
В большие материнские глаза
И видели, как по щекам катилась
Соленая горячая слеза.

Собрали в узел скудные пожитки
И под пронзительный вороний грай
Вздохнули напоследок у калитки
И перебрались в старенький сарай.

Прижав к себе испуганных детишек,
Чтоб хоть немного их приободрить,
Мать молча оглядела ребятишек
И тихо прошептала: «Будем жить!»

И начались большие испытанья —
Пришлось на этом праведном пути
Тяжелый крест великого страданья
Семье крестьянской сообща нести.

В сарае темном долгие недели
Казались бесконечны и пусты.
Картошку мерзлую, собрав на поле, ели,
Пекли безвкусный хлеб из лебеды.

И с ненавистью на врагов глядели
Сквозь щели в двери детские глаза
На то, как умывались немцы, ели,
На то, как веселились у крыльца.

Но вот однажды вдалеке прогрохотала
«Катюш» железных очередь глухая.
Седая мать, прислушавшись, сказала
С великой радостью: «То наши наступают!»

У дома немцы долго суетились
И собирались в свой последний бой.
Спешили фрицы, нервничали, злились —
Не совладали с Мценскою землей!

И пробил час — иные дни настали
Для лютого, коварного врага:
С земли Орловской недругов прогнали
Спасительные русские войска!..

Немало лет прошло с поры той грозной,
Жизнь мирная на землю к нам пришла.
У босоногой худенькой девчонки
Давным-давно уж внучка подросла.

Расскажет бабушка ей искренне и строго
О лихолетье в стороне родной,
Ведь сердце никогда забыть не сможет
О той войне, жестокой и святой.

*Кристина БАБАЕВА, 14 лет
п. Нарышкино,
Урицкий район*

Зачем война?..

Война... Текут от боли слезы...
Как много гибнет там ребят!
Афган, Чечня и город Грозный
Могилрой стали для солдат.

Растяжки, мины, пистолеты...
Земля горит, горит огнем,
Горит с заката до рассвета
Тревожной ночью, жарким днем.

Там воздух пахнет чем-то страшным,
Чего, увы, не избежать.
И молим Бога мы за наших
И всех святых и Божью мать.

Зачем война? Чего добиться
Вы этим жаждете путем?
Вы посмотрите в эти лица
Ребят, обласканных огнем...

Да, кто-то выжил и вернулся
Домой, где ждет больная мать.
Он жив-здоров, он улыбнулся,
Но боль из сердца не прогнать.

От света спрячешься во тьме,
От суеты — в просторном поле,
От жизни спрячешься в земле —
Нигде не спрячешься от боли!..

И снова взрыв, и снова смерти —
Не сотня — тысячи смертей!
Осколки, пули, словно черти,
Крадут дыханье у людей.

И не щадят больных, здоровых,
Младых и старых — всех берут.
Не воздух там вдыхают — порох
И думают: «Сейчас убьют»...

Не за награду там воюют —
За мир, за Родину свою.
«Умрут и новые придут —
Закончат миссию мою».

Очнитесь, люди, неужели
Вы так хотите убивать?
Смотреть в глаза и в это время
Курок без жалости нажать?

Чего добьетесь? Что хотите?
Богатства иль сердца разбить?
Остановитесь, прекратите!
Давайте жить, спокойно жить.

*Денис БОБКИН, 10 лет
п. Знаменка,
Орловский район*

У Вечного огня

Пошел солдат Россию защищать.
Его сражаться провожала мать.
Давно окопы заросли травой,
Но не вернулся с фронта он домой.
На месте взрывов встали города,
Идут спокойно мирные года.
Стал памятником он... Седой гранит
И память имя светлое хранит.

*Юлия БОЛТОВСКАЯ, 10 лет
д. Большая Чернь,
Болховский район*

Была война

Орловщина — мой край родной.
Шумят березовые рощи.
Там тихо песни соловей
Поет с утра до поздней ночи.

Когда-то здесь была война,
Шел бой, земля окрест стонала.
Народ хлебнул всего сполна,
И полегло солдат немало.

Но заросли былые раны,
Природа снова расцвела.
Идут в колонне ветераны —
Героев знаем имена!

*Юлия ЖУКОВА, 15 лет
д. Гостомль,
Кромский район*

Навек прощаясь

Навек прощаясь с крошечными нами,
Отцы спешили в самый лютый бой.
И полыхало фронтовое знамя
С прожженной и простреленной звездой.

Был каждый дом наш словно дот, отважен,
Был каждый ствол направлен на Берлин.
Над миром – мир, отцы лежат среди пашен,
Среди высот бессчетных и низин.

А годы пролетели искрометно.
На полигонах выстрелы слышны.
Мы встали под отцовские знамена
Во имя мира,
 света,
 тишины.

*Александр ЛЕОНОВ, 15 лет
с. Кирово,
Сосковский район*

Солдат

Был лютый мороз. Молодые солдаты
Лучшего друга по полю несли.
Молчали. И долго стучали лопаты
В угрюмое сердце промерзшей земли.

Скажи мне, товарищ!.. Словами не скажешь.
А были слова? Потерял на войне.
Ружейный салют для солдата был важен
В холодной, суровой пустой тишине.

Могилу прикрыли, а ночью — в атаку.
Боялись они посмотреть в небеса...
Но вдруг.... Ни откуда, друзьями оплакан,
Своих земляков догоняет солдат.

Он вместе с друзьями бросает гранаты,
А если залягут, он крикнет «Ура!»
И место ему оставляют солдаты,
Усевшись вокруг золотого костра.

*Алексей БАРАН, 15 лет
г. Мценск*

Исповедь бойца

Я был отчаянным бойцом разведки
И помню каждый бой на Огненной дуге.
Солдат фашистских, как марионеток,
Мы истребляли: на войне, как на войне.
Мы истребляли их совсем не за награды, —
За Русь великую, за матушку Россию,
За трели соловья рассветным утром
И за березку, ту, что нет красивей.
За дом родительский, добротный и уютный.
Во все века испытывали гордость
За нацию свою сыны России.
Ни жадность нам неведома, ни черствость.
Сильны мы духом, а лицом красивы.
Фашисты в страхе пятились, как раки,
Недаром говорил великий Невский:
Мы победить сумеем в любой драке,
Чтоб были счастливы и жены, и невесты,
Чтоб раздавался смех веселый детский,
К заутрене колокола звонили...
Потомкам мое имя неизвестно,
Но подвиг мой они не позабыли.

Десятилетия с лица земли не стерли
Следы боев и братские могилы.
Пусть города растут, сады и школы,
И воцарится мир в огромном мире.

*Инга НЕМОВА, 13 лет
д. Каменка,
Мценский район*

Мы не знали войны

Мы не знали тех дней.
Нам об этом поведали,
Как в суровые годы самой страшной жестокой войны
Из-за парты на фронт уходили девчонки, мальчишки,
Не дождавшись своей восемнадцатой юной весны.

Мы не знали войны.
Мы увидели это с экрана:
Во весь рост над окопом поднялся безусый комбат,
На его голове кровоточила страшная рана,
Но повел он в атаку за высотку таких же ребят.

Землю рвали снаряды, и горела она под ногами,
Раскалившийся воздух рассекал
страшный дождь из свинца.
С громким криком «ура», пролетевшим с тех пор
над годами,
Шел в атаку комбат до последней черты, до конца.

Мы не знали тех дней.
Как ликующий голос Победы,
Разлетаясь над миром, входил в каждый дом.
Мы не знали войны, —
Нам об этом поведали деды.
Мы счастливые все потому, что родились потом.

*Игорь КРЕСТЬЯНОВ, 15 лет
г. Орел*

Посвящение танку

Танк гремел в военной роще,
Защищая свой народ,
А теперь пришел на площадь
Через самый страшный год.
Шел вперед, спасая город,
Чтобы враг нас не застиг.
Он в жару и в лютый холод
Не сдавался ни на миг.
Он отчаянно сражался,
Заслонял огонь собой
И ушел, отвоевавшись,
На заслуженный покой.
Пулемет в нем есть и пушка
И блестящая броня.
Танк, конечно, не игрушка,
С ним шутить никак нельзя!
Но, когда тебе пятнадцать,
Хочется в нем покататься
И, конечно, может быть,
Славный подвиг совершить!

*Анастасия ЖИЛИНА, 14 лет
д. Башкатово,
Мценский район*

Солдаты Отчизны

Шли Отчизны солдаты
По снегам и пыли,
Защищая, что свято,
И навек полегли.
Их свинцовые ливни
Прижимали к земле,

На бегу они стыли
И горели в огне.

Было так: отступали
И неслось им во след:
— Что ж вы город отдали!..
И ни слова в ответ.

Но упорно к Победе,
К той далекой весне
Шли в атаку солдаты
Наяву и во сне.

*Ольга СОКОВА, 15 лет
с. Красное,
Залегощенский район*

Мой дедушка — солдат

Когда-то много лет назад
Он был таким, как я,
Но годы птицею летят...
Он смотрит на меня,
С невыразиною тоской,
И мрачен как гроза.
Он вспоминает первый бой,
В глазах блестит слеза:
— Ребят немало полегло,
В жестоком том бою.
Я уцелел, мне повезло,
Но скорбь я не таю.
Но разве думал кто в тот раз,
Что смерть глядит в глаза?
Мы били лютого врага.
За всех, за нас, за вас.
Горжусь я дедушкой своим,
Он у меня — герой.
Пусть память вечно будет с ним,
А дедушка — со мной.

Письмо домой

Андрей Селютин, 13 лет, г. Белгород

*Татьяна ИНЧИНА, 15 лет
с. Васильевка,
Залегощенский район*

Митькин сон (рассказ)

Митьке приснился сон, что он в лесу с сестрами собирает грибы. Надя набрала свинухов, Настя — рыжиков, Танька — маслят, а маленькая Манька — мухоморов. Лукошко у неё было большое, грибов много — Маньку почти не видно. Вдруг откуда-то появилась бабка Поля и принялась отнимать у всех грибы.

Собрала все корзины, осталось только у Маньки, а та плачет и не отдаёт. Тут Митька схватил корягу и бросился на бабу, та побежала, он за ней. На бегу старая оглянулась, и вместо её сморщенного личика мальчик увидел здоровенную морду рыжего мужика с железными зубами. Зубы были огромными и громко лязгали друг о друга. На этом месте он проснулся. Не открывая глаз, Митька подумал, что бабушке Поле надо опять замазать окна коровяком. На деревне считали её колдуньей.

По избе разносился запах свежее испечённого хлеба и топленого молока.

Митька слез с печки, отломил от каравайя горбушку и пошёл на улицу. Присев на завалинку, подставив лицо солнышку, он начал есть. Солнце припекало, куры нагло прыгали за хлебом. Мальчик подумал: «Где же все? Наверное, пошли в сельпо за сатином ему на рубаху». Митьке исполняется восемь лет, и ему осенью идти в школу. Соседей тоже не было никого. Но тут на дороге показались люди. Мать и соседка тётка Варя плакали, а отец и дядя Степан шли молча, опустив головы. Мужики сели на скамейку под ракиту и закурили. К Мите подбежала Манечка и начала что-то лопотать, он ничего не мог понять: ей было только два года. И тут Настя сказала, что началась война.

Отца и ещё многих деревенских мужиков забрали в армию где-то через месяц. Бабы голосили, мужики пили самогонку, курили самосад. Дядька Петрак играл на гармошке и пьяно горланил «В саду ягода — малина...»

Осенью угнали колхозный скот куда-то в Сибирь. В числе погнавших был старший Митькин брат — Фёдор. Ему было двадцать два года, жена у него умерла, а дочка двухлетняя Ирка осталась в деревне с родными. В школу дети не пошли.

Иногда по селу проходили небольшими группами наши солдаты. Они были оборванные, грязные и злые — отступали.

В начале зимы пришли фашисты. Многие жителей эвакуировали в посёлок Кромы. В Митином доме остановились фашисты. Дом был большой. Хозяева остались за перегородкой, где была печка, а немцы расположились в горнице. Их было девятеро. Мать готовила им еду, стирала. Надю,

Таню и Настю гоняли в лес на заготовку брёвен — оккупанты строили мост через речку Неручь.

Митя должен был носить воду, дрова и сидеть с маленькими девочками, чтобы они не плакали и не лезли в горницу.

По вечерам немцы усаживались вокруг стола, пили шнапс, ели тушёнку и пели песни под губную гармошку. Митьке нравился добродушный худенький Штурц — он угощал мальчика шоколадом и галетами. Когда Штурц напивался, то доставал фотографию, на которой была его жена — толстая тётка в шляпе и трое карапузов. Он плакал и говорил: «Гитлер и Сталин — дураки», а сам стучал кулаком по столу.

Младшенькие часто болели, и добрый немец давал им порошки. Те ну никак не хотели их пить. Мать с уговорами, с силой вливала горькое лекарство детям в рот. Они не очень ревели, потому что знали, что при немцах не разрешалось даже разговаривать.

Особенно лютовал Ганц — злой верзила. Однажды пришла бабка Поля — заболела её внучка Дашка, и она попросила лекарство. Так этот Ганц схватил винтовку и прикладом долбанул бабку. Она без сознания повалилась на пол, а фашист злобно загоготал. И тут Митька вспомнил свой давний сон про мужика с железными зубами.

Из оставшихся жителей начали отбирать молодых и здоровых для работы в Германии. По домам ходил полицай Кирюха и составлял списки. Записали и Надю с Таней. Кирюха сказал, что в Германии девкам будет очень хорошо. Молодёжи собрали человек двенадцать. Их повезли на трёх подводах на станцию в Залегощь, а сзади бежали родные и голосили.

Немцы боялись холода, рядились во что попало: на голову повязывали шали, на ноги надевали опорки. С наступлением весны они повеселели.

Как-то днём Митька копал огород, а к вечеру мать велела ему сжечь мусор, который она сгребла возле дома. Митька, оттащив его на дорогу, побежал домой за спичками. Немцы, после выпитого шнапса, спали. Он схватил с печки спички и, проходя мимо ящика с патронами, прихватил штук пять с собой. Митька быстро разжёг костёр и побросал патроны в

огонь. Бабахало здорово, искры разлетались во все стороны.

Мальчуган сидел за деревом и радовался, пока кто-то с силой не схватил его за шиворот. Это был Ганц, красный от злости и гнева. Остальные немцы тоже выскочили из дома. Ганц снял ремень с гимнастёрки, связал им Митькины ноги и подвесил его за них на дерево. Из рта его вместе с лязганьем зубов неслись злобные ругательства. Прибежала мать с маленькими девочками и бросилась к немцу в ноги — тот с силой их отшвырнул прочь, а сам начал тыкать в Митьку автоматом. Подошедшему Кирюхе было приказано выпороть мальчика. Дядька Кирюха на удары не скупился, и Митька с кровавой спиной пролежал за печкой на животе неделю. К нему часто навещался Штурц и потихоньку давал галеты.

Лето и осень прошли однообразно. Но к зиме немцы начали свирепеть, по ночам выставляли караул. Во дворе дома вырыли огромную яму и закатили туда большую пушку. Вокруг деревни выкопали глубокие окопы и обнесли их колючей проволокой. Всезнающая бабка Поля сказала, что немцев разбили под Сталинградом и отсюда их скоро выпрут.

Бой начался рано утром. Грохотало так, что дрожали стены. Немцев в доме не было. Мать наскоро собрала детей, взяла каравай хлеба и повела всех к лесу. Там находился крепкий колхозный подвал. В нём уже был народ. Просидели там целые сутки. Кругом страшно гремело и ревело. В подвале было сыро, темно. Хотелось пить и есть. Маленькие дети плакали. За водой решила идти Шурка — боевая краснощёкая девка тринадцати лет. Обрато её так и не дождались. Потом как-то разом вдруг все стихло, но наружу боялись выходить. Не известно, сколько бы ещё просидели, но Митьке до того надоела эта неизвестность, что он потихоньку подкрался к двери и открыл её. В подвал ворвался яркий свет и свежий морозный февральский воздух. Митька осторожно высунул голову и увидел наших — танки и бойцов. Кругом были воронки от снарядов, в воздухе стояли гарь и копоть от горевших домов, снег был красный от крови. Страшно было увидеть столько много трупов. Мёртвыми солдатами было усеяно огромное колхозное поле. Наши бойцы

лежали вместе с немцами. Около колодца Митька увидел Шурку. Она лежала на снегу, ведро валялось поодаль, волосы выбились из-под шали, которая была вся в крови.

Дом сгорел, поэтому все перебрались в подвал. Из камней и глины сделали печку, а трубу вывели в отдушину. Пол посыпали золой, кое из чего смастерили лавки, на которых спали. В углу оставалось немного картошки, которую ели. А по вечерам вспоминали довоенную сытую жизнь и мечтали о времени, когда вернутся все: отец, брат, сестры, отстроят дом, и на столе всегда будет горячий хлеб с топлёным молоком.

*Кристина ЛЕШКЕВИЧ, 15 лет
г. Мценск*

Дочь Отечества

*Старинного литья Касимовских умельцев
С Казанской школы в Балках зазвенел,
И на торжественных собраниях и линейках
Его призывный слышался напев.*

Этот отрывок в стихах выведен на бумаге детским сердцем. Он о звонке, о простом школьном, который в далекие от нашего детства времена звал на урок школьников. Только история у этого звонка не совсем обычная. Привезен школьный «колокол» из Запорожской области и принесен в Казанскую школу деревни Подберезово Мценского района учительницей начальной школы Любовью Семеновной Коноваловой сразу после окончания Великой Отечественной войны. От неё мы узнали, насколько дорог ей этот звонок.

Случилось это во время войны. У Большого Балкинского Кургана шли бои за высотку 95,1. Враг не сдавал своих позиций. Для получения более точных сведений вперед выслали разведку. Но разведчиков предал кто-то из местных. Фашисты окружили школу, где находились разведчики, и расстреляли их. Когда село освободили от фашистов, то санинструктора Любу послали в школу посмотреть, может быть там

кто-то остался в живых. Когда она зашла в один из классов, то увидела лежащих убитыми на полу ребят из разведки. Один сжимал в руке школьный звонок, а на школьной доске мелом написаны слова: «Умираем за...» Автоматная очередь не дала закончить предложение парню.

Через всю свою жизнь пронесла Люба, Любовь Семеновна Кофанова, в замужестве Коновалова, память об этих парнях, которые умирали за Родину, за нас.

Впрочем, и она ходила по краю пропасти....

Закончив педагогическое училище в Мценске и вечерние курсы медсестер, Люба Кофанова строила, как и все её подруги, планы на будущее. Она готовилась учить детишек. А тут — война. Боевая, энергичная, она не смогла сидеть дома, когда вокруг такая опасность для Родины. Трое суток они с подругой просидели в военкомате, добиваясь направления на фронт. Любе ещё не было восемнадцати лет, поэтому разговаривать с ней на эту тему не хотели. Но напористость девушки сломила непреклонное воинское начальство. Любу направили в эвакогоспиталь медсестрой. Позже она служила в передвижном полевом госпитале хирургической сестрой. Но Люба просилась на передовую.

«Теплый ветер дует, развезло дороги» — лейтенант Борис Егоров, прибывший на Юго-Западный фронт, впервые услышал эту песню от санинструктора 3-го дивизиона, 31-го пушечно-артиллерийского полка — Любки. Так она сама себя называла.

«Светленькая, бойкая, всегда улыбается и поет», — так отрекомендовал её командир Егорову. Не успели они отойти от мест, где находился НП дивизиона, как фашисты начали обстрел, устроив себе развлечение, гоняясь за одинокими фигурами путников. Люба и Егоров спрятались в ров у дороги. Их стало засыпать землей, так как стреляли по ним из пушки. Любка крикнула: «Бежим, лейтенант, в разные стороны!» И они побежали. Будущего писателя Любка тоже вынесла раненого с поля боя.

«Удивительное это существо — Любка. Она и сплет, и

спляшет. И не боится ничего. Не проходит дня, чтобы кого-то не убило, кого-то не ранило. И Любка, как «скорая помощь» должна мчаться на место катастрофы», — восхищался позже писатель Б.Егоров своей героиней, которой посвятил повесть «Песня о теплом ветре».

Никто не мог даже подумать, что Любке страшно, что смерть пугает её. Она говорила: «Я — вечная». Об этом ходили легенды. А санинструктор бежала туда, где стонут. А о том, что она не бессмертна, она знала лучше всех. Однажды осколок снаряда прошил ей живот, солдаты на руках донесли свою Любку до операционного стола. Подлечившись немного, она снова была в строю, выносила раненых с поля боя.

На фронте не помнили ни имен, ни фамилий. Имя же Любки запомнилось многим.

После войны Любовь Семеновна работала в госпитале для военнопленных, потом в школе. Любовь Семеновна — моя соседка. Она сейчас находится на заслуженном отдыхе, но такая же неугомонная. Поет в хоре ветеранов, не отказывается от встреч с молодежью. Она, как и прежде «вечная», шутливая Любка-санинструктор из повести Бориса Егорова.

*Мария ЕМЕЛЬЯНОВА, 13 лет
с. Сетуха,
Залегощенский район*

Горькие ракиты

*В основе рассказа — подлинное событие,
произошедшее в с. Сетуха.*

Вечерело. Снег всё валил и валил, бросался целыми горстями в лицо. Сильный ветер сбивал с ног. Двое ребятшек продолжали упрямо идти вперёд, хотя с дороги уже давно сбились.

— Миш, а Миш, мы точно не ошиблись, когда сворачи-

вали у того перелеска? — спросил худенький, закутанный в большую тёплую шаль мальчишка лет двенадцати.

— Да нет же, Колька. Я хорошо помню: мы здесь раньше сено косили с батей, — отвечал паренёк постарше.

— Миша, я утомился и есть хочу.

— Потерпи, скоро придём в Архангельское, там тётка Дуся накормит, обогреет, — утешал меньшого Мишка.

Мальчишки отбились от своих родителей, когда немцы гнали их вместе с односельчанами в Орёл. С утра было солнечно и тихо, а неожиданно начавшийся налёт раскидал людей кого — куда. Встретившись, Миша и Коля решили дойти до Архангельского, где у Мишки была родня.

Но вот беда: они сбились из-за пурги с дороги и, кажется, заблудились. Так парнишки шли ещё часа три.

Впереди показались ракиты, и, когда мальчишки подошли к ним, увидели хату.

— Вот, Мишка, а ты боялся, что не дойдём. Мы, наверное, на околице. Сейчас дом тётки найдём.

Колька уверенно зашагал дальше. Они прошли уже домов пять, когда поняли, что попали в незнакомую деревню. Ребята решили зайти в следующую хату, чтобы попроситься на ночлег. До неё было рукой подать, но тут из-за деревьев прозвучало коротко: «Хальт!» Немецкий часовой быстро подошёл к Мише и Коле. Направив ствол автомата на них, он кивнул головой в сторону хаты, заставляя идти.

Перепуганные, обессиленные мальчишки подчинились приказу. В хату их грубо затолкал офицер, который сразу же начал допрос:

— Партизан?

Миша заплакал, а Колька никак не мог вспомнить немецкие слова, он старался объяснить:

— Нет! Нет, герр офицер!!! Мы никакие не партизаны, а просто сбились с дороги, отстали от своих, сейчас шли в Архангельское. Тётка у меня там...

Офицер кивнул головой. Солдаты обыскали парнишек. Но ничего, кроме перочинного ножика, не нашли. Потом

немцы заговорили о чём-то быстро, взволнованно и часто повторяя: «Партизан! Партизан!»

— Нет! Нет! Мы не партизаны! — начал было Коля, но его грубо схватили за шиворот и вместе с Мишей повели в другую хату. Там к ним приставили часового.

Наутро немцы суетливо забегали по селу. Солдаты выгоняли людей из домов и приказывали им идти в центр села, к церкви. Когда напуганные, ничего не понимающие женщины с детьми и старики собрались у старых раки, из комендатуры вышли офицеры, а солдаты вели двух плачущих парнишек.

— Ох, что-то изверги задумали! — тихо запричитала какая-то баба.

Офицер сказал, что эти мальчуганы — партизаны, разведчики, которых сейчас повесят.

Несчастные Коля и Миша с заплаканными глазами и разбитыми губами будто задеревенели. И только когда заголосили бабы, они заплакали и упали в ноги офицеру.

— Мы не партизаны! Нет же, нет! — кричал Миша.

Но немцы уже приготовили виселицы, перекинув верёвки через ракиту. Солдаты грубо толкали баб, чтобы те замолчали.

К виселице первым шагнул Коля, и глаза у него были уже сухие и колючие. Молчал и больше не плакал Миша.

— Господи, детей-то за что?! — крикнул кто-то из толпы.

— Дай придут наши... — произнёс старик.

А парнишки уже ничего не слышали. Глаза их смотрели прямо и торжественно, как будто знали, что расплата для фашистов неминуема. Когда вздрогнули ветви ракиты и с них посыпался пушистый снег, неожиданно проглянуло яркое солнце. И толпа, не выдержав, заголосила вдруг разом, громко, во весь голос.

Мать солдата

Много лет прошло после окончания Великой Отечественной войны. Не горят дома от фашистских снарядов, не плачут дети, жены, провожая на фронт мужа, отца, брата, мы живем спокойно, учимся, работаем.

До начала войны у моей бабушки Агрипины родились тринадцать детей, они почти все были погодки, трое умерли во младенчестве, а четверо — кто от тифа, кто от оспы, а кто от огревки. Муж у прабабушки Груни умер накануне войны, так что к её началу у неё на руках осталось шестеро детей. Два сына, два помощника ушли на фронт: один, Алексей, пропал без вести, а Сергей погиб под Кёнигсбергом. Ждала мать своих детей до конца жизни. И даже получив похоронку, верила, что они живы и однажды откроют дверь, скажут: «Здравствуй, мама, вот и мы».

Везде: в книгах, в газетах, в журналах — пишут о героях. А где же статьи о тех, кто родил на свет этих героев, об ожидавших сыновей матерях, о том, как они жили в эти суровые годы?

В тот год был большой урожай хлеба. «Хлеба родились по грудь», — рассказывала моя прабабушка. — В деревне мужиков нет, бабы и дети. Утром собрались и пошли жать по росе. Вдруг гул, страшный, воющий, такого ещё не слышали. Стоим среди поля, столпились и вверх, в небо смотрим. С двух сторон налетели самолеты — наши и немецкие. Завязался бой. Кто упал, кто побежал, а я стою, вся онемела. Над головой самолеты взрываются, и обломки от них, и куски тел горящие, вонючие падают в хлеб. Я рот от ужаса раскрыла и не почувствовала, что у меня без боли и без крови все зубы выпали. Но было страшно». Так прабабушка до конца жизни хранила свои крепкие белые зубы в завязанном носовом платочке.

Затем наступили холода. И снова у бабушки тринадцать детей — своих четверо и девять сирот. Чем кормить, согреть? Добротой души своей, нежностью, лаской.

И вот они — беженцы. По дороге бабушка не потеряла ни одного ребенка, продала и променяла на еду все, что у неё было. Остановились в селе у реки. Однажды на том берегу завязался кровавый бой. Женщины, собрав детей в одну хатку, пошли на берег реки, решив, что они чем-то помогут сыночкам в военной форме. «Мы, женщины, плакали, когда немцы загоняли на лед солдат и стреляли в них до темноты. А когда выстрелы утихли, мы бросились на лед и начали спасать наших воинов, стараясь перетащить их на свой берег. Лед проваливался, мы оказывались в ледяной воде. Я даже временами теряла сознание, но каждый раз, когда раненый выскользывает из рук, непонятная сила приводила меня в чувство. Мы похоронили всех погибших, а раненых постарались спрятать.»

Ну разве, это не подвиг? Четыре года бабушка прожила, спасая, выручая, жалея, заботясь о больных и обездоленных.

Много ли было таких женщин во время войны, помогающих всем бедствующим? Несчетное количество! А пример с моей прабабушкой — один из миллионов таких же героинь войны.

*Ирина ЖИЛЯКОВА, 14 лет
д. Головкино,
Корсаковский район*

Русский солдат

*О, память, ты бываешь тяжела,
И больно режущей нередко ты бываешь.
Плохие и хорошие дела
И боль потерь — все, память, сохраняешь.
Л. Марахин*

9 мая 1945 года. Над столицей гитлеровской Германии, на поверженном рейхстаге, полыхает наше знамя, знамя народа-победителя. Его путь к логову фашизма длился 1418 дней. Дней горя и слез, дней народного гнева, дней, когда весь народ — и солдат-фронтовик, и труженик тыла, и

патриот-партизан доказали всему миру могучую, несокрушимую силу.

Годы идут, и неудержим их бег. Вот уже 9 мая 2003 года. Пятьдесят восьмой раз мы отмечаем выстраданное в боях с фашизмом счастье Победы.

*Сменяя друг друга, идут поколенья,
Но память о прошлом не знает забвенья,
И грозные строки взывают с гранита:
Никто не забыт, и ничто не забыто.*

Эти строки мы, сегодняшние молодые, принимаем как эстафету поколений. На вахту Памяти у обелисков встала лучшая молодежь страны.

Одно из священных мест у нас, в Корсаковском районе — братская могила в деревне Козлове. Каждый год 5 августа здесь собираются ветераны войны, жители района и окрестных сел. Все, от мала до велика, приходят сюда почтить память павших.

Я тоже очень часто бываю здесь. Братская могила для меня не просто священное место. Здесь я остро чувствую свою сопричастность с народом и его великой историей. Я родилась и росла в мирное время, но тем, что живу, я обязана моему дедушке, который не вернулся с войны, и всем павшим и живым защитникам нашей Родины.

Из памяти не выходят слова И. Ходыкина:

*Мне здесь не надобна прописка,
Об этом людям не солгу,
Пришел с цветами к обелиску,
Пред кем пожизненно в долгу.*

Нам выпало счастье жить под мирным небом, не знать ужасов войны. Это ко мне и моим сверстникам обратились участники Великой Отечественной войны с призывом: «Дорогой юный друг! Пусть вечный огонь Победы горит в твоём сердце, пусть образы героев Отечественной войны вдохновляют тебя в борьбе за мир, дружбу народов!»

И вот сегодня, выполняя их наказ помнить героев, я расскажу о простом солдате войны Николае Андреевиче Королеве.

Коле еще не исполнилось шестнадцати, а судьба повела его по партизанским тропам, по пропитанным порохом, гарью окопам. Вместе со своим другом Мишей Кудиновым Колька был разведчиком у партизан. Им поручили добывать сведения о наличии в округе немцев. Ребята в условленном месте сообщали свои наблюдения связному. В марте 1943 года в родное село Снижу вступили советские войска. Николай Королев стал солдатом. На станции Сурки Марийской АССР прошел трехмесячную подготовку и попал в пулеметный взвод 20-й бригады первой танковой армии под командованием Катукова.

Боевое крещение молодой воин получил под Житомиром. Это был жаркий бой. Немцы, словно в угаре, лезли напролом на наши позиции. Но скоро силы их иссякли — танковая бригада под командованием Бабаджаняна отбросила врага к городу Андруневка. Четко, смело действовал в этом бою пулеметный расчет, где вторым номером был солдат Королев.

...Умирать было страшно. Чтобы не застонать, Николай попытался стиснуть зубы, но тут же вскрикнул от невыносимой боли: нижняя челюсть была раздроблена. Попробовал пошевелить руками — словно чужие. Непослушными стали ноги. По лицу струйками сочилась кровь, затекающая, она неприятно стягивала кожу. А немцы все ближе и ближе. Теперь они были уже не такими, как в начале войны. За три года советские воины сбили спесь, наглость и самоуверенность с фашистов. Шли они, торопливо озираясь по сторонам.

«Только не застонать, — внушал себе Королев. — Умереть с честью, чтобы не увидели гады моей слабости.»

За этот небольшой отрезок времени перед глазами промелькнула вся его короткая жизнь. Вспомнил он и родную Снижу, и мать, и друзей, с которыми партизанил. Одно было обидно: мало успел сделать! По-настоящему и не рассчитался с фашистами за поруганный ими родной край. Это ведь был всего третий бой солдата!

Фашисты обошли окровавленного солдата. Один из них,

помоложе, двумя пальцами выхватил из кармана гимнастерки документы и что-то говорил остальным. Королев понял лишь неоднократно: «Зольдат капут! Капут!» И немцы заспешили дальше.

На волосок от смерти был в этот день Николай. А потом пришло спасение. Партизаны-поляки вынесли его с поля, а через несколько часов появилась девушка. Это была медсестра местной больницы. Выздоровление наступало медленно. Ранения у Королева были тяжелые, и он долго пролежал в госпиталях. За девять месяцев перенёс восемнадцать операций.

А два года назад Н.А. Королев получил запоздалую награду: За мужество и героизм, проявленные при форсирование реки Сан, за тот бой под Ярославом, он был удостоен ордена Славы III степени.

Живет солдат. Порой в обыденности буден мы забываем, что война оставила на нем неизгладимые меты. Но неизменно приходит час, когда во всем величии мы вспоминаем подвиг, им совершённый.

И тогда мы говорим ему сердечное спасибо за все, что он сделал для Родины, для нас. А он, смущенный, отвечает: «Я был только солдатом». Но нельзя сказать «был». Солдат всегда остаётся солдатом.

*Михаил ЗАЛЕЗНЯК, 14 лет
с. Введенское,
Ливенский район*

От Ливен — до Праги

Я, Залезняк Михаил, родился и вырос в Ставропольском крае. Люблю бескрайние степи, величественный Кавказ, буйные горные реки, свой дом, родных и друзей. Но у меня есть ещё дорогое место на земле — это Орловщина. Здесь родина моей бабушки — Лидии Сергеевны Судаковой.

Когда началась война, бабушке исполнилось 20 лет, она по окончании Ливенского педагогического училища работала

в селе Вышнее Олыпаное Должанского района. В 1941 году бабушка ушла добровольцем на фронт. Стала медсестрой. В составе 13 армии участвовала в битве за Ливны, воевала совсем рядом со своим родным домом — селом Введенское. Помнит разрушенные сёла, мёртвый город, голодные глаза детишек, похожих на маленьких старичков.

У медсестры Лиды было много работы. Она научилась преодолевать страх и под ураганным огнём вытаскивать на своих хрупких плечах раненых, делать перевязки, уколы, писать письма под диктовку раненых домой. Научилась не думать о смерти. Страх заслонила ненависть к врагу. Самым тяжёлым на дорогах войны были тревога за близких и потери боевых друзей.

В составе 148 стрелковой дивизии бабушке довелось участвовать в самом сердце битвы на Орловско-Курской дуге — под Прохоровкой. Это было грозное и страшное сражение. Оно отмечено в истории войн как великая битва танков и самоходных орудий. Горела земля, танки, люди. Яркое жгучее солнце не было видно среди клубов дыма. Тысячи трупов, стоны раненых. На фронтовую сестричку часто была последняя надежда. Ненависть к врагу, храбрость, сострадание давали ей силы, казалось бы, в безвыходных ситуациях. Сотни раненых удалось ей и её подругам вынести с поля боя. Участие бабушки в этом сражении отмечено медалью «За боевые заслуги».

Потом в составе 1 Украинского фронта она участвовала в освобождении Польши. Победа над врагом застала бабушку в Праге, когда чешская земля утопала в зелени, буйном цветении.

Ратный труд моей дорогой бабули отмечен орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Праги», «За победу над Берлином». На фронте бабушка вступила в партию, но как дочь репрессированного священника от веры не отреклась. Она может привести немало случаев, когда горячая молитва, Господь и вера хранили её.

После войны бабушка работала в Пятигорске в военном санатории медсестрой. Военный опыт помог ей стать одной

из лучших работников госпиталя, а доброе сердце и умелые руки снискали любовь и уважение больных. В этом прекрасном курортном городе у неё было всё — хорошая квартира, уважение коллег. Как фронтовичку её рекомендовали в медицинский институт.

В 1952 году она встретила М.М Залезняка, агронома по образованию, человека много старше себя. За его плечами были сталинские лагеря, война. Человек необычайной скромности и эрудиции, Михаил Маркович побывал в Италии, Китае как крупнейший специалист по оросительным системам, в совершенстве владел китайским, английским, итальянским, узбекским, таджикским языками.

Через месяц после встречи молодые отправились осваивать степи Ставрополя. Навсегда остались в памяти бабушки чёрные бури, страшные засухи, налёты саранчи. Здесь они начали новую жизнь. Он — агроном, она — снова учительница. В 1957 году родился первенец — Владимир.

40 лет проработала бабушка в местной школе. Она — заслуженный учитель, лауреат множества конкурсов, имеет грамоты. Для людей самых разных национальностей она — непререкаемый авторитет. Не забыла и фронтовую специальность. По первому зову спешила к больным. В посёлке её называют матерью Терезой.

Моя бабушка и добровольный «участковый»: народ у нас гордый, горячий, немало национальных пережитков. Но любой скандал стихает при её появлении. Авторитет бабушки очень высок. И юные горские девочки, родившиеся в семьях горянок, носят простое русское имя — Лида.

Дедушка умер в 1976 году, ещё до моего рождения. К этому времени папа уже женился и работал учителем. Хотелось бабушке домой, на Орловщину, да слишком многое было связано с Кавказом. Но каждое лето бабушка возила меня и брата к себе на родину. Мы узнали и полюбили Орловщину.

В этом году я был в селе Введенском с отцом. Бабушке уже не под силу такие поездки. А раньше с ней и старшим братом Алёшкой я побывал под Прохоровкой, в музеях Орла, Ливен. От своей тёти, которая работает в библиотеке, я уз-

нал о конкурсе работ к 60-летию победы в Орловско-Курской битве. Я и написал о своей бабушке: я очень хочу, чтобы на Орловщине знали о русской девушке Лиде.

Мой брат — офицер. Служит в Рязани. Я тоже решил стать военным, потому что «есть такая профессия — родину защищать». В нашем семейном архиве — ордена, медали, почётные грамоты, огромные папки с письмами однополчан, учеников разных поколений.

«Честь имею» — эти слова были священны на Руси. Её имеют моя прабабушка, достойно, в тяжелейших лишениях воспитавшая пятерых детей, прадед, расстрелянный в подвалах Ливенского НКВД, мои бабушка и дедушка, отец, мать, брат. И я очень хочу, чтобы слова «честь имею» со временем можно было бы отнести и ко мне. Это мой долг перед бабушкой.

*Елена ВАСИЛЬЧИКОВА, 14 лет
г. Новосиль*

Они — в нашей памяти

Война. Это страшное слово мгновенно облетело все крупные и малые селения, никого не обошло стороной. Война беспощадно вторгалась в детство, калечила юность, повергала в отчаяние стариков. Все верили, что война закончится так же быстро, как и началась. Уходили на фронт наряду с отцами и дедами юноши и девушки, почти дети, которым не было и восемнадцати лет.

Забрали на войну и Игната Ксенафонтовича Салькова. Ушел в числе добровольцев на войну его сын, Павел, оставив дома мать и сестренку Шурочку. Ему было 16 лет. Уходя, отец наказывал Павлу: «Береги мать и Шуру. Ты за старшего в доме.». А Павел в свою очередь наказывал сестре: «Береги маму. Ты в доме за старшую. Я вернусь, и все будет по-прежнему. Побьём фашистов!».

Не пересекались дороги отца и сына. Старший прошёл всю страну, оставляя со своим полком освобождённые от фа-

шистов города и селения. Павел был минометчиком на Орловско-Курской дуге, защищал малую родину.

Тяжело было без них Марии Тихоновне и Шурочке, но они справлялись. В их дом приходили за помощью, за советом. Но самые страшные дни начались осенью 1943 года, когда в родное село пришли фашисты. Они поджигали дома, конюшни, убивали людей, иных избивали до полусмерти. Горе сплотило односельчан. Они прятались в подвалах, разрушенных церквях, лесах, оврагах, питались травой и корой. Когда немцы погнали петушенцев на Залегощь, многие решили не уходить из своих домов.

Немцы были беспощадны не только к старикам, но и к маленьким детям. Пулеметной очередью они прерывали жизнь младенцев. Одного грудного ребенка спасла моя прабабушка Мария Тихоновна. Привязав к себе теплой огромной пуховой шалью, пронесла она его много километров, скрывая от недобрых фашистских глаз полый пальто. Несколько дней спустя колонна петушенцев вышла из-под присмотра врагов и вернулась в село. Ребенка отдали матери.

27 декабря в село вошли наши солдаты. Неописуема была радость жителей Петушек. Бойцы, усталые и продроглые, входили в холодные нетопленные дома без окон и дверей, но все были счастливы. Кто как мог устраивали скромную трапезу для защитников.

Но невесело было Марии Тихоновне и Шуре. Не вернулся Павел. Не было и главы семьи — Игната Ксенафонтовича, но оставалась надежда на их возвращение.

Началось восстановление Петушек. 5 августа освободили и город Орел. Не так далеко еще гремела война, но всем верилось, что не сегодня, так завтра она кончится. Кто как мог помогали друг другу односельчане, поднимали хозяйство, создавали колхоз с символическим названием «Победа». Внешне все было хорошо, казалось, война где-то в недоступном далеке, но по ночам снились людям оружейные выстрелы, разрывы бомб. А Марии Тихоновне и Шуре снились погибший Павел и Игнат Ксенафонтович.

Шура пошла в школу. Из-за войны она пропустила год учебы, и в четвертом классе учиться ей было очень тяжело. Но девочка отличалась трудолюбием и усидчивостью и вскоре наверстала упущенное. Учиться было сложно, но Шура с удовольствием просиживала над задачками и радовала маму своими успехами.

Как-то вечером Шура с Марией Тихоновной сидели в доме на террасе молча. Каждый думал о своем. Война закончилась, стоял август. Стук в дверь нарушил глубокую тишину, прерываемую Шуриным тихим дыханием. Первой реакцией было удивление. Смутное предчувствие колыхнулось в душе Шурочки. Она с опаской подошла к двери, тихонько приоткрыла ее и ... радостный крик заставил обернуться Марию Тихоновну. «Папа! — кричала Шура, обливаясь слезами радости. — Папа! Ты вернулся! Как же мы тебя ждали!» Кинулась на шею мужу Мария Тихоновна и застыла. Слезы побежали по ее щекам крупными ручейками, не успевая высохнуть.

Удивился отец, не увидев дома сына. Новый поток слез залил лицо красивой пожилой женщины. Все стало понятно без слов. Но главное, что теперь они были вместе — мать, отец и дочь. Часто вечерами слушали рассказы отца о его походах на Карпаты, в Берлин, о победах под Ленинградом и Брянском, смотрели довоенные фотографии, вспоминали Павла.

Игнат Ксенафонович возглавил строительную бригаду. Строили клуб для молодёжи. Потом клал печи. Неплохо зарабатывал. Вырастили дочку. Она была когда-то почётным выпускником нашей Новосильской школы.

Часто моя бабушка Александра Игнатьевна, та самая девочка Шура, рассказывает о страшных годах войны, о бедствиях, причиняемых немцами, об эпидемиях, уносивших сотни жизней. Она говорит об этом спокойно, будто не было в ее жизни смерти родных, взрывов снарядов, избиений, похоронок о смерти любимого брата, который теперь спит крепким сном павших в бою, выполнивших свой долг, в сырой земле, в братской могиле. Он захоронен в селе Медвежко Покровского района.

Каждый раз 9 мая мы привозим на это место венок и цветы в память погибшим в те страшные годы. Бабушка плачет, вспоминая о брате, а на самом видном месте в доме лежат фотоальбомы, и с большой фотографии в дубовой рамке глядит на нас молодой паренек 16 лет, павший в борьбе за свободу.

Война принесла с собой разруху и смерть, но все же героически сражавшиеся патриоты своей страны отстояли свой народ, свою свободу, освободили Отечество от фашистского ига. Ценой невероятных усилий далась им эта победа.

Мы не должны забывать о тех, кто подарил нам мирное голубое небо над головой, об их подвигах и муках во имя родной земли. Наша память о них должна быть вечной, ведь им мы обязаны жизнью и свободой. Пусть есть известные и неизвестные бойцы той войны, пусть не каждого мы знаем в лицо и по имени, но они всегда должны быть в нашей памяти. Пусть мы не знаем их всех, но должны помнить, что каждый из них оставил свой след в истории Отечества, истории человечества, каждый из них совершил подвиг, каждый был в той войне героем.

И это, кажется, под Курском было...

В оккупации

Александр Павлов, 13 лет, г. Валуйки

60 ПОБЕДЫ В КУРСКОЙ БИТВЕ л е т

А мои-то куряне...

Как один из руководителей областного творческого объединения «Край соловьиный», действующего под меценатским покровительством нашего земляка, директора московского концерна «Адмирал» М.Н. Топоркова, я сталкиваюсь с детским творчеством практически каждый день. И думаю часто: насколько беднее была бы моя жизнь без этого контакта! Он дает возможность убедиться воочию, что юная Россия пишет, по точному фетовскому определению «хочет сказать душой». Как поэт, радуюсь вдвойне — растет наша смена, пусть и далеко не все ребята станут потом профессиональными литераторами.

Главное в том, что здесь, на легендарной в ее историческом значении курской земле, щедро политой кровью наших прадедов, дедов и отцов, наши дети растут продолжателями тех духовных традиций, без которых невозможно возрождение нашего народа, нашей страны, переживающей не просто трудные, а воистину драматические времена.

Эти маленькие куряне — потомки тех, о ком гениальный автор «Слова о полку Игореве» сказал: «А мои-то куряне —

опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены.»

Для меня — сына известного русского советского поэта, в годы Великой Отечественной войны — рядового солдата-пулеметчика, воевавшего и на Курской дуге, особенное значение имеет то, что сегодняшние дети, учащиеся школ нашей Курской области, приняли активное участие в литературно-творческом конкурсе, посвященном 60-летию Курской битвы, и продемонстрировали при этом достаточно высокий уровень — и гражданский и творческий. Это наполняет душу радостью и гордостью!

Несмотря на выпавшие на его долю трудности и лишения, живет и творит великий наш народ. И яркое свидетельство тому — творчество наших юных авторов, внуков и правнуков солдат, героически сражавшихся на Огненной дуге.

*Вадим КОРНЕЕВ,
член Союза писателей России
г. Курск*

*Антон БУХТИЯРОВ, 13 лет
п. Поньри,
Поньровский район*

В память о сорок третьем

Я один стою на улице
И на звезды смотрю ночные.
Вижу месяц среди них сутулится,
Вспоминая года иные.

Сорок первый, второй, огневой 43-й.
Застонала земля Поньрей.
И встают на защиту Родины
Сотни игишевских батарей.

ГОРОВЕЦ, КАГАМЛЫК, СЕДОВ,
ТУСНОЛОБОВА ЗИНА, КУНАВИН...
Сколько вас еще, верных сынов,
Наш народ поименно славит!

Не жалели себя вы отдать
За поселок, за Родину нашу,
Чтобы слез никогда не видать,
Чтобы жизнь на земле стала краше.

*Дмитрий ФЕДОРОВ, 11 лет
п. Нива,
Дмитриевский район*

Мой дед-танкист

Прошла война, давно не слышно взрывов.
Стал забывать об этом горе мир.
Но помнит о войне мной горячо любимый
Седой совсем танкистов командир.

И часто, сев у деда на колени,
Я слушаю его рассказ
О тех далеких страшных днях,
О той победе,
Что вспоминаем мы сейчас.

И вижу я, как наяву, великое сраженье
На Курской огненной дуге,
Горящие хлеба, лязг гусениц
И танков непрерывное движенье,
И кровь, и Поныри в огне.

И среди ада этого
На танке Т- 34
Мой дед, отважный капитан,
Крушит проклятого врага,

Уничтожает вражеские «Тигры».
Идет к победе сквозь огня кровавый ураган.

Немало бед ему пришлось изведать:
Горел, тонул и голодал подчас,
Но все прошёл и на броне принёс победу,
Так нужную для каждого из нас.

Родную Курскую обугленную землю
Мой дед не дал на поругание врагу.
И на его груди сияют ярким светом
Два ордена за Курскую дугу.

О тех великих днях, о танковом сраженье
Я деда часто рассказать прошу.
Хочу, как дед-герой,
Беречь свой край от нападения
И тем горжусь, что
Имя дедушки ношу.

*Александр ГРИШАКОВ, 11 лет
с. Акимовка,
Рыльский район*

Огненное поле

Шестьдесят! Ни дней, ни месяцев,
Лет победных — шестьдесят,
Как под Прохоровкой нашею
Враг отброшен был назад.

Здесь в июле сорок третьего
Не было ни гор, ни рек,
Здесь стоял и бился насмерть
Русский человек.

Поле, многое ты видело:
Тучи дыма, шквал огня,
Груды танков искорёженных —
Это позабыть нельзя.

Шли танкисты в танках огненных
На таран, прорвав барьер.
Здесь тогда навечно замерли
Сотни «тигров» и «пантер».

Смолкло всё: салюты, стоны,
В прошлое ушли бои,
Лишь поют в тиши вечерней
Песню славы соловьи.

Да к плите могильной братской
Каждый день под вечерок
Материнской прядью белой
Прикоснётся ветерок.

*Андрей СОПОВ, 11 лет
с. Пригородненское,
Щигровский район*

Он верил...

Он не дожил пятнадцать дней
До долгожданной той Победы,
До тех салютов и огней,
Что ночью освещали небо.
Война трудна, война ужасна,
Но верил он: пройдут года,
И вновь наступят мир и братство,
И снова будет тишина.
Не будет слышно тех орудий,
Что слышал он из темноты,
Не будут больше гибнуть люди,

Не будет больше и войны.
Он в этот праздник верил свято
На протяжении жизни всей...
Он был молоденьким солдатом,
Но не дожил пятнадцать дней.

*Артём ЩАВЕЛЕВ, 9 лет
с. Студенок,
Железногорский район*

На Прохоровском поле

Туда мы ездили семьёй.
Над нами — небо голубое,
И колосится рожь стеной.
Здесь столько мира и покоя,
Летают птицы в вышине,
Но мне поведали такое:
Мне рассказали о войне.

Мне рассказали мама с папой,
Что много-много лет назад
Здесь танки шли, орудий залпы
Гремели сотней канонад.
Сраженье длилось много суток.
И показалось мне, что вдруг —
Вдруг я представил на минуту,
Как здесь пылало всё вокруг.

Теперь я знаю: каждый камень,
Малюсенькая горсть земли
Здесь были политы слезами
И кровью тех, кто полегли.
За это небо голубое,
За золотую рожь стеной,
Чтоб не узнали мы с тобою,
Всё то, что связано с войной.

*Александр ТОМИЛИН, 14 лет
с. Пальцево,
Дмитриевский район*

Подслушанный разговор

Как много о войне написано стихов.
Как много слов о ней уже сказали.
Сумеет вытерпеть бумага вновь
Строк горечь и отчаянье печали.
Уже минуло шесть десятков лет
С тех давних пор, когда война гремела.
А этот ужас не забудет, нет,
Солдат, что с той войны вернулся целым.

Однажды в старом парке на скамье
Случайный разговор мной был подслушан.
Два старика там вспоминали о войне,
Тот разговор ко мне закрался в душу.
Из слушателей здесь я был один.
В их сторону случайно бросил взгляд.
Сквозь сеть морщин и белизну седин
Двух бравых разглядел солдат.
— Ты помнишь, Вань, тот день таким же был,
Такая ж тишина, и солнце так светило.
А может и не так, тогда была война,
И это, кажется, под Курском было.
— В войну обманывает часто тишина,
Обманывает всех: солдат и поле.
— Ну что ж! На то война и есть война
В своей суровой жесткой доле.
— Я помню, мы забыли про бои —
Та тишина так бредила душу.
В ту роковую ночь не умолкали соловьи,
Их так хотелось слышать, слушать.
И думал каждый о своей семье:
О матери, жене, о детях, доме...

Но вдруг раздался грохот в тишине,
И все померкло в нараставшем громе.
— Мы встретились с тобою в том бою,
Под Прохоровкой, на широкой воле.
Там защищали грудью Русь свою,
Чтоб хлеб растить могли на этом поле.
— Я помню гарь и дым и лязг металла.
Земля стонала, небо ниже опустилось,
Но это никого из нас не напугало ...
Ты хочешь, чтоб все это позабылось?
Мы не могли в той битве проиграть,
Ведь за спиной у нас была Россия.
Нам нужно было этот мир спасти,
Родимый дом и цвет небес лазурно-синих.
— На этом поле ранило меня.
Ты помнишь, как огнем схватило,
Как ты, мой друг, из этого огня
Меня тащил, преодолевая силы?
— Да, было время, — прохрипел старик,
Мы были молоды, сильны, отважны. —
Вдруг взгляд его светившийся поник. —
— Но только это все сейчас не так и важно.
Ходил сегодня утром в райсобес.
Один теперь остался я на этом свете:
Жену похоронил, в долги залез,
Не ездят внуки, не приходят дети.
Вот внук не хочет в армии служить,
А Родина опять сейчас в беде.
Кому ж в Чечне войну остановить,
Раз не по силам ни тебе, ни мне?
В глазах усталых промелькнула тень.
И в уголке морщин нечаянно слеза застыла.

Не плачь, старик! Не унывай, солдат!
Ты сделал все, что мог, и что не мог,
Не бойся, армию пополнит строй ребят,
Они сумеют защитить родной порог.

Ты думаешь, не важно то для нас,
Что вы для нас в год огненный свершили
И шли на все, чтоб выполнить приказ.
Все помнили, а о себе забыли.
А дружба ваша так была крепка,
Солдатам так нужна, всегда необходима.
И помогала друга теплая рука,
Что даже пули пролетали мимо.
Мы научиться многому должны у старых ветеранов,
Как Родину любить, ценить и защищать.
За подвиг и незаживающие раны
Поклон от всей земли должны мы вам отдать.

*Зинаида МАЛЬКОВА, 14 лет
Теткинская школа-интернат,
Глушковский район*

Жил паренёк

*Е.И. Носову
посвящается*

В деревне жил недалеко от Курска
Весёлый, любопытный паренёк.
Он рисовал, дружил с природой русской,
Но вдруг война ступила на порог.

Нагрянула негаданно, нежданно,
Как коршун злой, взмахнув своим крылом.
Остались позади друзья, мечты, желанья.
Отчизна позвала — покинул отчий дом.

Он в восемнадцать шёл на бой с фашистом
И воевал, как доблестный герой,
Отважным, метким был артиллеристом.
В крошечный ад он попадал порой.

Дошли до Пруссии с тяжёлыми боями.
Он весь изранен в госпиталь попал,
И День Победы встретил там с друзьями.
За тех, кто пал, подняв вина бокал.

Страна в разрухе, начались заботы.
Евгений лёгкой жизни не искал.
Он не боялся никакой работы,
А как правдиво о войне писал!

Евгений Носов все прошёл преграды:
Писатель, ветеран, Герой труда.
Любовь читателей — вот высшая награда.
И жизнь его — пример для нас всегда.

*Наталья ДОРОЖКОВА, 14 лет
г. Щигры*

Старый дуб

Весь израненный, изувеченный
Старый дуб стоит за селом,
Он наверно стоять будет вечно,
Будет вечно вздыхать о былом.
Дунет ветер, и кроной могучей
Он рассказ мне поведаёт свой,
Как когда-то над этою кручей
Шёл жестокий, смертельный бой,
Как летели снаряды со свистом,
С чёрной, вражеской стороны,
Как его молодые листья,
Обжигало огнём войны.
Но он выстоял, выжил и снова,
Распустив листву по весне,
Мне расскажет об этой суровой,
О Великой и страшной войне.

Ночь. Тишина.

Завтра отправятся в бой партизаны —

Люди земли, люди села,

Ну, а сейчас она хлеб им несла.

Предали, продали, выдали, сдали,

Через неделю арестовали.

Били, но не призналась, а сжалась она,

от боли плакала.

Немец на шее косу захлестнул,

В крепкую петлю её затянул,

И не дыша, как пушинка, на землю легла

прабабушка — сверстница моя.

Маленький братик, малыш лет семи

Руку фашисту насквозь прокусил.

Вражеский изверг стрелял и стрелял

в тело ребёнка...

А дальше...

А дальше...

Мне очень трудно вдруг стало писать,

К горлу подкрался комок,

от которого трудно дышать,

А слёзы сами плачутся...

Историю эту для нас сберегла

Погибших детей

старшая сестра —

моя родная прабабушка.

...На месте том берёзы растут.

Как память о тех, в честь кого нас зовут.

Отстоим

Павел Шимченко, 11 лет, г. Губкин

*Анна ШИМЫГЛЕВА, 14 лет
с. Среднеапоченка,
Горшеченский район*

Размышления на смотровой площадке

*Те бои — как мера нашей силы,
Потому она и дорога.
Насмерть прикипевшая к России
Курская великая дуга.*

М. Борисов

*Они исполнили солдатский долг суровый
И до конца остались Родине верны.
И мы в историю заглядываем снова,
Чтоб день сегодняшней измерить днем войны.*

М. Ножкин

Все дальше и дальше от нас годы войны. Прошло много лет с тех пор, как отгремели последние залпы. Путь к Победе был трудным и долгим. Тысяча четыреста восемнадцать дней, и каждый из них — это кровь и смерть, боль и горечь утрат, гибель сынов и дочерей нашей Родины, радость больших и малых побед.

Мое поколение родилось под мирным небом. И о войне мы знаем понаслышке: от дедушек, мам, да еще из книг. Почти все произведения о войне, которые я читала, это «А зори здесь тихие», «Дожить до рассвета», «Падучая звезда», «Убиты под Москвой» — оставили в моей памяти неизгладимый след. Но это не идет ни в какое сравнение с тем потрясением, которое я испытала, увидев диораму «Огненная дуга» в Белгороде.

Перед моим взором развернулась грандиозная картина величайшего сражения второй мировой войны. Все было настолько реально, что, наверное, я потеряла ощущение времени. В какой-то момент я была там, среди огня и искореженного железа. Я представила себя рядом с тем солдатом, который смотрел на это дикое скопище танков.

Кем до войны был этот солдат? Строитель, хлебороб, врач или шофёр? И какая сила заставила его побороть естественный человеческий страх — страх умереть? Потом я нашла ответ на этот вопрос в стихах:

*Нас не учили, как под танк бросаться,
И вражью амбразуру как закрыть,
И на врага живым тараном мчаться.
Но нас учили Родину любить!*

П. Богданов

...Было это летом 1943 года. Начав 5 июня осуществление операции «Цитадель», гитлеровцы нанесли удар по линии обороны Воронежского фронта под командованием Н.Ф. Ватутина. Враг бросил отборные дивизии новейших танков «Тигр», «Пантера», «Фердинанд», надеясь с ходу сокрушить оборонительные рубежи наших войск. Не добившись успеха, противник предпринял попытку прорвать оборону на другом участке — в районе Прохоровки. Он сосредоточил здесь ударную группировку танков. Именно этот момент запечатлели художники на полотне диорамы.

Со смотровой площадки передо мной открылась картина самого крупного встречного танкового сражения, в котором приняло участие с обеих сторон 1200 танков. Стоя здесь, я задавалась вопросом: зачем это было? Кому нужна была эта людская бойня? В битву, не имеющую себе равных по ожесточению и упорству борьбы, были втянуты с обеих сторон огромные силы.

Сотни тысяч жизней унесла эта битва. Но не напрасны были жертвы. Разгром гитлеровских группировок на Курской дуге окончательно закрепил стратегическую инициативу в руках советского командования, создал благоприятные условия для развертывания общего наступления Советской Армии.

«Курская битва — одно из крупнейших решающих событий второй мировой войны» — писал маршал Г.К. Жуков.

Идут годы. Читая о войне, слушая ветеранов, мы сами оказываемся как бы там. И это понятно: кровь наших дедов, прадедов течет в наших жилах, а их память отзывается в нас, если мы не научились чувствовать глубоко и сильно. Мы обязаны слушать о войне и слышать, смотреть и видеть те далекие события.

Там, на смотровой площадке, ощутив весь ужас происшедшего, я поймала себя на мысли: я не хочу никогда повторения этого огня, исковерканной земли и черного дымного неба, я не хочу, чтобы взрывы разрывали человеческие тела и души.

Я не хочу войны!

Перед боем

1.

Молодой солдат сидел под маленькой стройной березой, наслаждаясь тишиной. Страшной тишиной, предвещавшей нечто ужасное. Он смотрел на заходящее солнце, на лес и поля, поросшие высокой травой, слушал шелест листвы и стрекот кузнечиков.

И на один миг ему показалось, что будто нет этой войны, что весь этот ужас ему приснился в страшном сне. Несмотря на то, что он на войне уже два года, все равно не может поверить и смириться со всеми ее жестокостями.

Вернуться в реальность нашего героя заставил голос, прозвучавший у него за спиной.

— Воронцов! А ты что ж не отдыхаешь? Пользуйся возможностью, а то неизвестно, когда еще можно будет отдохнуть, — сказал ему Папанов с добродушной улыбкой на лице.

Рыжие волосы и лицо, усыпанное веснушками, делали его похожим на мальчика, недавно окончившего школу. Хотя старший сержант был человеком еще очень молодым, но уже имел большой опыт в ведении боевых действий. Его тело и лицо были увенчаны всевозможными шрамами и ссадинами, доказывающими мужество этого человека.

— Товарищ старший сержант, вы ошибаетесь. Я отдыхаю, наслаждаюсь красотой нашей Родины.

— Да, она действительно прекрасна! Ну ладно, не буду тебе мешать. Пойду посплю.

Воронцов снова остался один на один со страшной тишиной и своими мыслями.

Пригладив волосы, черные, как смоль, он задумчиво начал глядеть вдаль. Ему вдруг вспомнилось детство, проведенное в детском доме. Там его ребята дразнили постоянно

вороной, на что маленький Вася очень обижался. А еще он вспомнил свою работу в колхозе, где он был механиком.

— Да, как же это было давно! Кажется, что прошла целая вечность, — сказал он сам себе.

Василий встал и побрел медленно по тропинке, ведущей в глубь леса, к лагерю, расположенному между поселком и станцией Поныри.

Но что-то заставило его остановиться и еще раз оглядеть родные края. Ведь именно здесь, в Курской области, он вырос и за свободу своей малой родины готов умереть. Ему хотелось кричать, чтобы каждый кустик, каждая травинка, каждое деревце знали, как он любит свою Родину, непокорную, бескрайнюю, привольную, и никакой фашист не отнимет у нее свободы.

2.

Ночь выдалась на удивление теплая. Солдат передумал идти спать в лагерь, он вновь погрузился в воспоминания.

Воронцов лег на траву и стал смотреть на ясное звездное небо.

Фамилия Воронцов полностью соответствовала его внешнему виду. Он не знал, была ли она его настоящей фамилией, или ему дали ее работники детдома.

У него не было никаких сведений о родителях. Зато родные места заменяли и отца, и мать. Часто он убегал из детдома, чтобы побродить по лесам и полям, поплавать в озере, находившемся неподалеку.

Иногда ему казалось, что он слышит голос Родины, что деревья, трава, животные и даже каждая букашка говорит с ним. И как ни странно, он ее понимал. И сейчас он чувствовал боль своей Родины как свою собственную. Его лицо впервые за последнее время озарила улыбка.

— Рая! Милая Рая! — проговорил он чуть слышно.

Василий пошел на войну добровольцем, оставив свою молодую жену, своего ангела, как любил он ее называть. Но не мог он поступить иначе. Родина звала его. Вскоре, после того как он ушел на фронт, ему пришло письмо от

Раи, первое и единственное. В письме она сообщала, что у них будет ребенок! Как он был счастлив в этот день. Прошло уже больше года, как они потеряли связь. Василий очень мучался от неизвестности. Ведь он даже не знал, живы ли они сейчас. Если да, то кто у него родился: мальчик или девочка?

Лицо Воронцова стало непроницаемым, за этой маской он пытался спрятать боль. Сам для себя он давно уже решил, что просто обязан выжить, вернуться к семье.

За размышлениями наш герой провел всю ночь и не заметил, как начало рассветать.

— Вот и седьмое июля настало, сегодня у меня день рождения, — сказал он вслух, но так и не понял, кому он хотел это сообщить: себе или Родине.

3.

Утро началось мощным артиллерийским ударом противника и его авиации.

Кто-то в лагере спросил: «А где Воронцов?» Они еще не знали, что Василия уже нет в живых: его накрыло первым же залпом, засыпало черной землей, ставшей могилой солдата.

Земля стонала от взрывов бомб и снарядов. Алый рассвет превратился в темно-багряный. Светло-голубое небо заволкло чёрным дымом. Утро превратилось в ночь, но не в ту, когда солдат размышлял о своей жизни, а в другую, более тёмную, страшную и ужасную.

А наши войска продолжали стойко защищать Родину. Грохот орудий, гул танковых моторов, лязг гусениц заглушал голоса людей и стоны раненых.

4.

В России свято чтят память воинов-героев. В Понырях на привокзальной площади находится воинское захоронение, увенчанное скульптурой воина-победителя в плащ-палатке. Он прижимает к себе спасенную им девочку. В правой руке у воина меч. Это копия памятника воину-победителю в Берлине, установленного в Трептов-парке.

Был солнечный день. Седьмое июля. К памятнику пришла пожилая женщина с маленьким мальчиком лет шести.

Воронцова Наталья Васильевна была дочерью солдата, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Она принесла цветы именно к этому памятнику, не зная точно, где погиб ее отец.

— Бабуля, а почему мы принесли эти цветы сюда сегодня, ведь можно было бы принести в другой день? — спросил любопытный мальчишка.

— Вася, потому мы принесли цветы сегодня, что у твоего дедушки, если бы он дожил, был бы день рождения.

— А мой дедушка был храбрым воином?

— Да, конечно. Он пошел на войну добровольцем. А мог-то и не идти. Ему здоровье не позволяло, сердце часто шалило.

— Тогда я тоже хочу быть таким, как дедушка!..

— Да, будешь, будешь! Только надеюсь, что тебе никогда не придется воевать, и жить ты будешь в мирное время, — сказала женщина. А из глаз ее текли горькие слёзы...

*Яна УСЕНКО, 11 лет
с. Левшинка,
Львовский район*

Мой прадедушка — защитник Отечества

Но помнит мир спасённый...

Война... Слово короткое, но страшное. Сегодня у всех на устах военные действия в Афганистане, в Чечне. Льётся кровь мирных жителей, гибнут молодые солдаты, которые чуть-чуть старше нас. Люди не могут вспоминать всё это без слёз.

Но невозможно и представить, что чувствуют и как живут со своими страшными воспоминаниями участники и очевидцы событий шестидесятилетней давности.

Великая Отечественная война. Много ли мы, поколение

конца двадцатого — начала двадцать первого века, знаем о ней? Скорее нет, чем да.

Не слишком много мы прочитали художественных и документальных произведений о подвигах советских людей во время войны, редко демонстрируются кинофильмы о тех событиях, как правило, лишь до и во время празднования Дня Победы. А жаль! Ведь никто никогда не вправе забывать историю. Время не изгладит из памяти народа ту страшную войну, — самую тяжёлую и жестокую из всех войн в истории нашей страны. В сердцах людей она жива, потому что до сих пор ещё не залечены её раны, не иссякла боль. Пока живут среди нас ветераны войны, мы должны преклоняться перед их мужеством, героизмом, стойкостью. Убелённых сединами, богатых жизненным опытом людей мы должны уважать не только за то, что они отстаивали свободу и независимость нашего Отечества, спасли от фашизма другие народы, но и просто за то, что они живут рядом с нами. А их, к сожалению, становится всё меньше и меньше.

В нашем селе ветеранов осталось всего четверо. Один из них — мой прадедушка.

Его зовут Щербаков Пётр Андреевич. Он родился двенадцатого июля тысяча девятьсот тринадцатого года. Несмотря на солидный возраст, прадедушка Петя обладает прекрасной памятью. Он помнит события гражданской войны, коллективизацию, когда его родители отвели в колхоз двух лошадей, корову, овец. Вскоре Пётр женился на доброй, работающей девушке, появились дети. Жить бы да радоваться.

Только вдруг сорок первый ударил огнём, подпоясал мальчишек солдатским ремнём.

В первые же дни войны Пётр был призван в действующую армию. Он служил в четырёхста шестнадцатой отдельной зенитной дивизии. Дедушка Петя был заряжающим. Снаряды весили более пятидесяти килограммов. Помогали ему рядовые Дудочкин и Малкин, наводчиком был Симатов, на приборе служила Жевекина.

Я очень была удивлена, что в бригаде служили тринадцать

девушек — южных красавиц, которые достойно переносили все тяготы войны. Это о них написал Р. Рождественский:

*На батарее были сплошь — девчонки,
А старшей было восемнадцать лет...
Раскатывалось небо над полями,
Бой медленной кровью истекал...
Зенитчицы кричали и стреляли,
Размазывая слёзы по щекам!*

Затем их расчёт перевели в восемьдесят девятую артиллерийскую бригаду.

Она вела бои на курской земле, вместе с другими освобождая станцию Касторное, Поныри, Курск.

Никогда не забудет дедушка бой под Прохоровкой. Это танковое сражение стало переломным в ходе войны. Артиллерийская стрельба сопровождалась фейерверками ракет и подсветкой зенитных прожекторов. О чём думал, кого вспоминал рядовой Щербаков в минуты затишья? Какие чувства переполняли тридцатилетнего солдата? Ведь бои шли за родную землю, освобождение таких же сёл и деревень, как его родная Лёвшинка. Он знал, что и на льговской земле идут бои. А дома остались мать-старушка, жена и четверо малолетних детей. Проходя по истерзанной земле, сквозь страдания, потери, кровь и слёзы, он понимал: есть сила, которая поможет выстоять и победить. Эта сила — любовь. Любовь к Родине, к матери, к женщине. Ответная любовь Родины, матери, женщины.

Каково было его удивление, когда в Сумы, где располагалась их дивизия, приехала жена. И хоть пожурил её муж за то, что подвергала себя опасности, оставила детей, но, я уверена, ему было очень приятно. Может быть, эта любовь, её чудодейственная сила и помогла прадедушке, оберегала его от пуль, болезней, холода и голода. Правда, вспоминая о боях за освобождение города Сумы, дедушка хвалит «хохлушек» (так он называет украинок) за вкусные борщи, напоминавшие о доме, о довоенной жизни.

Небольшого роста, по-крестьянски рассудительный и выносливый, он пользовался уважением не только сослу-

живцев, но и командира батареи Новичкова. За проявленную смелость Пётр Андреевич был награждён медалью «За отвагу».

Затем было освобождение Белоруссии, Польши, взятие Варшавы, Берлина. День Победы Пётр Андреевич встретил в Берлине.

*На рубежах весны четвёртой,
В награду за годы тревог
В дыму и прахе распростёртый
Берлин лежит у наших ног.
Не умолкает гром орудий,
Бушует пламя в дымной мгле,
И говорят друг другу люди:
Есть справедливость на земле!*

Справедливость восторжествовала. Враг разбит. Но сколько горя принёс он народам Европы, нашему народу! Сколько жён остались вдовами, скольких детей осиротила война!

Возврат к мирной жизни был тяжёлым. Прадедушка вернулся домой только в 1946 году. На его груди выстроились в ряд ордена и медали, полученные во время войны.

Прадедушка пошёл работать в колхоз, восстанавливать разрушенное хозяйство. Он не боялся никакой работы, всё ему было по плечу. После войны родились ещё дети. Всех воспитали, выучили они с супругой Марией Николаевной.

После выхода на пенсию Пётр Андреевич продолжал работать сторожем, летом подвозил воду на поля. Он всегда пользовался авторитетом среди односельчан, к нему обращались за помощью и советом.

До сих пор всех удивляет его великолепная память, мудрость, хозяйская жилка. Он не может сидеть без дела и поэтому имеет домашнее хозяйство. Конечно, ему помогают дети, внуки, правнуки. Двери его дома всегда открыты для них. Все гордятся Петром Андреевичем. 9 Мая многочисленные родственники собираются за столом. С замиранием сердца слушают они воспоминания ветерана войны и труда. Слезы выступают у всех на глазах, когда прадедушка после

праздничного тоста чистым голосом затянет свою любимую песню: «Здравствуй, милая Маруся...» Все знают, что в этот момент он вспоминает ушедшую от него десять лет назад жену Марию Николаевну, как встречала она его в том далёком сорок шестом году, как приезжала на фронт. А я в такие минуты думаю о том, как хорошо жить под мирным небом, не вздрагивая от свиста пуль и снарядов. Я преклоняюсь перед подвигом наших солдат — живых и павших.

В хуторе Волжин воздвигнут памятник. Ежегодно в день Победы школьники собираются на митинг, чтобы отдать дань уважения участникам Великой Отечественной войны. И каждый верит, надеется, что никогда больше нога врага не ступит на нашу землю, никто не испытает боль потерь и расставаний. Очень этого хочется!

*Виктор КРЕЧЕТНИКОВ, 10 лет
г. Железногорск*

Забытая правда

(рассказ-быль)

Почти шестьдесят лет прошло после окончания Великой Отечественной войны. Эту войну наши прадедушки, прабабушки помнят очень хорошо. Теперь они ветераны трудового фронта. Но еще есть среди них непосредственные участники боевых действий. С каждым годом их, живых, становится все меньше. Мы об этой войне знаем из книг, уроков истории, из кинофильмов.

Много загадок нам оставила эта война. Сотни тысяч без вести пропавших советских солдат. В числе их и два моих прадедушки. Где, когда и как они погибли? Кто похоронил их и где? Никто этого не знает. Среди тех неизвестных вообще или малоизвестных были герои. Они испытали страшные пытки, муки и приняли смерть, но остались верными присяге и долгу перед Родиной. Об одном таком герое мой рассказ. И это не из книги. Мне его рас-

сказал мой дедушка. А дедушке поведал его приятель, — сын погибшего героя.

Была зима далекого 1943 года. С тяжелыми боями советские солдаты гнали прочь немецких захватчиков, они освобождали от них города, села и деревни России. При отступлении немцы творили зверства. Они расстреливали стариков, женщин и детей.

Во второй половине февраля советские войска освобождали бывший Михайловский район Курской области. Одна воинская часть задержалась перед деревней Моршнево. С ходу наступление не удалось: сильный прицельный пулемётный огонь помешал. Один из пулеметов был установлен на трубе спиртзавода. Все подходы к деревне простреливались. Наступление на деревню приостановилось. Командованием части на разведку в деревню Моршнево был послан сержант-коммунист Колупаев Тарас.

Разведчик хорошо знал многие села и деревни района. Родился он в 1903 году в деревне Расстригино Дмитриевского района Курской области. До войны работал председателем колхоза им. Сталина в деревне Сухой-Ровец Дмитриевского района. А после этого был сотрудником НКВД и одновременно являлся секретарём партийной организации ВКП(б) по Пальцевскому сельскому совету. Многие жители и Михайловского, и Дмитриевского районов его знали.

При выполнении боевого задания разведчик был замечен полицаями. А когда уходил из деревни, его стали преследовать.

По нему стреляли из пулемета. Он был тяжело ранен. Истекая кровью, упал и на время потерял сознание. Когда пришел в себя, был уже окружён. Над ним стояли два немца и полицай. Они были с оружием. На лошади, в санях, его повезли к школе, в немецкий штаб. В проходившем старике разведчик узнал Шульцева Дмитрия, жителя этой деревни. Тарас превозмог боль. Он крикнул старичку: «Дядя Дмитрий, расскажи моим родным, где меня расстреляют!» Боясь за себя, Шульцев ему крикнул: «Я тебя никогда не видел и не знаю, кто ты». Всё это видели и слышали некоторые жи-

тели деревни. Потом уже они рассказали родным о последних минутах жизни погибшего разведчика.

Тараса подвезли к школе и приказали встать из саней. Одна рука его висела и была неподвижной. Кисть этой руки была разорвана. Сквозь клочья одежды было видно раздробленное плечо. Рукав и бок пропитаны кровью.

Знал и понимал коммунист-разведчик, что впереди — пытки и смерть. А недалеко, за рекой Свапой, через луг, его родная деревня Расстригино. Там его четверо детей и жена. Не суждена была ему встреча с родными.

Прожил он жизнь непросто, но честно. Кто и в чем мог его упрекнуть? Разве только вот этот полицай-предатель? Он его не боялся. А угнетало разведчика состояние безысходности. Хоть он и на своей Родине, и рядом свои, русские люди, но он беспомощен и пленён. Вокруг фашисты — враги. Полная обречённость, и это конец...

Когда повели Тараса в штаб, он оглянулся. За ним тянулся кровавый след. Никто не знает, чего добивались от него в штабе немцы. Люди видели: враги его, как мешок, выбросили через окно на улицу. Там, в штабе, фашисты отрубили топором у него кисть здоровой руки. На морозе он лежал, истекающий кровью. От страшных мучений и боли стонал и просил предать его смерти.

Немцы торопились. Они спешно начали отступать. Советские солдаты пошли в наступление на деревню Моршнево. Выбежавший из штаба немецкий солдат выстрелил в голову Тарасу. Когда разведчика хоронили жители деревни, лица у него не было. Разрывная пуля, на вылете, вырвала ему лицо. Похоронен он был в один из дней с двумя старичками из Моршнево. Их расстреляли немцы за связь с партизанами.

Вот так погиб наш земляк, воин и коммунист, верный присяге и долгу перед Родиной. Только в 1992 году по просьбе и ходатайству сына Колупаева Николая Тарасовича его отцу, Колупаеву Тарасу Сергеевичу, был установлен скромный памятник в деревне Моршнево.

О многих еще, таких, как Тарас, не написаны книги. Не

показана эта правда в кино. Многое незаслуженно забыто. Но подвиги этих людей бессмертны. Это они своей кровью, не щадя жизни, приближали победу. Заслуга их велика. Цена Победы — десятки миллионов советских людей, отдавших жизнь за свободу и независимость своей Родины.

Вечная память и слава всем, кто ковал Победу трудом и кто добывал ее в боях!

Мы благодарны им.

Наш долг — помнить об этом всегда!

*Александра ЧЕКАРЕВА, 12 лет
г. Щигры*

Память

На улице капель. Весна. Природа просыпается от долгой зимней спячки. А детская рука выводит на чистом листе бумаги слово «Война». Страшное слово! Дети должны знать, что такое мама, Родина, мир. Но только не война. А знать приходится. Что творится в современном мире? Повсюду взрывы, бомбежки, бои. И нельзя с точностью определить, что будет завтра, где начнется новое кровопролитие.

Нет! Не верю, что люди, как взбешенные звери, сорвавшиеся с цепи, решили погубить планету своими бесконечными распрями!

На земле должен царить мир и только мир!

Но вспомним войну, разразившуюся не так давно в нашей стране. Пять лет, которые длилась она, для истории — как одно мгновение, а для людей — целая жизнь.

Что мы знаем о ней? Только то, что рассказывают наши бабушки и дедушки, но словами нельзя передать весь патриотизм и ужас, сковавший людей.

Да, ужас. Боялись все: и дети, и женщины, и солдаты. Но шли в бой. Ведь герой — это не просто тот человек, который не боится, а тот, кто преодолевает свой страх. Чувство страха знакомо каждому человеку, но один становится геро-

ем, а другой — предателем, трусом. А они? Они, наши отважные русские солдаты, босые ребятишки, усталые женщины и старики? Да, они все были героями. Все, от мала до велика: трудились на благо Родины и делали все, чтобы выстоять и не спасовать перед врагом, не ведающим сострадания. Ещё никогда люди не были так жестоки. Сколько жизней унесла война, сколько искалечила, разбила! Так коршун схватывает добычу и безжалостно мучит, терзает ее когтями, пока последний вздох не замрёт на устах её.

Но наша страна выжила! Поднялась она, разбитая, из груд развалин и пепла и, гордо вскинув голову, заявила всему миру: «Я жива!» И войне ничего не осталось, как уйти. Никто не сможет покорить такое великое государство, как Россия!

...На полочке в книжном шкафу стоит книга. С пожелтевшими страничками, в потрепанной слегка обложке еще с детства она притягивала меня своей аккуратностью и загадочностью. Хотя на первый взгляд ничего таинственного не было: книга да книга. Только на форзаце неровными детскими буквами написано: «В память о встрече с учащимися 1—6 классов участнику Великой Отечественной войны...»

Шёл тяжёлый 41-й год, немцы рвались к Москве.

Моему дедушке было 17 лет, но он уже служил старшим по батарее. Была задача — не пустить немцев в ближайший населённый пункт. У наших всего пять пушек, а немецких танков гораздо больше.

Вражеские танки медленно и зловеще ползут, и ничто их не остановит. Дым, шум, грохот со всех сторон, немцы огромным черным муравейником все наступают и наступают. И дедушка решил зайти с тыла к врагу и выполнить задание...

Да, строчки надписи на книге: «От учащихся 1-6 классов участнику Великой Отечественной войны Чекареву Николаю Петровичу» — это моему дедушке.

О нем я знаю немного. Нет, он не погиб на войне. Но через несколько лет после Победы отголоски войны — осколки, разбросанные по всему телу, дали о себе знать, и война забрала его за собой...

И хоть я не видела дедушку ни разу, я представляю его доброе, открытое лицо, прямой взор и глаза, в которых хранятся глубокая печаль и скорбь, а также радость и счастье. И все это так перемешалось, что глаза стали похожи на море, в котором холодные воды сменяют теплые, и наоборот.

Дедушка не передал мне богатого наследства, но зато у меня осталось самое ценное — два ордена Красной звезды. Это — память. И мы всегда будем помнить то страшное время, не забудем людей, боровшихся за наше право на счастливую жизнь.

*Оксана ЯКОВЛЕВА, 16 лет
г. Щигры*

Наперегонки со смертью

(рассказ)

Вот нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь; рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил. Злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя.

Псалтырь, псалом 7

...Он бежал от нее, бежал со всех ног. Он уже был наслышан об этой злой, отвратительной волшебнице, которая сначала притворяется ласковой и идет рядом, а если ты вдруг понимаешь, кто она есть, и начинаешь бежать изо всех сил, она преследует, догоняет, наступая на пятки, набрасывается сзади, вцепившись в тебя мертвой хваткой, — все, ты уже ее!

— Нет! Нет! Отпусти меня! — вырывался Димка изо всех сил. — Я жить хочу!

— Ты чего? — вдруг в его ушах загредел гнусавый бас. — Парень, вставай! — и что-то сильно встряхнуло его.

Димка открыл один глаз:

— Палыч... — невнятно пробормотал он. — Я еле-еле от нее убежал.

Палыч громко и хрипло засмеялся:

— Убежал! Опять что-то приснилось, да?

Димка поморщился. Это был сон, просто сон. Но, как и все остальные его сны, он не приносил ему никакого отдыха и покоя. В прошлый раз Димка убежал в подzemелье от громадного великана без кожи, а до этого ему снились плачущие кровью мальчики и полуразложившаяся старуха, на которую он случайно наткнулся в тот день. Их отряд тогда занял деревню, а перед этим целых две недели шла перестрелка. Немцы перед уходом согнали всех оставшихся жителей деревни в большой амбар и подожгли его. Когда партизанский отряд и Димка подбежали, стали растаскивать бревна и рубить дверь, было уже поздно...

Димка тогда был среди самых смелых, лез в огонь и тянул слишком тяжелые для него куски дерева. Он помнил, что кругом все было красным от пламени и черным, мутным от дыма. А воздух звенел, раскалывался от бесконечных монотонных стонов, от безумных криков, постепенно превращавшихся в протяжный рев...

Пелена дыма обволокла Димкины глаза... Потом он получил падающим бревном по спине и потерял сознание. Палыч едва успел оттащить его от рушащегося амбара.

Очнувшись, Димка доказывал всем, что ему было совсем не больно, а сознание он потерял не от бревна, а от дыма. «Эх, дитё!» — усмехнулся тогда Палыч.

Потом Димка пошел посмотреть окрестности. Он долго бродил, вспоминая сгоревших заживо людей. «Война! Зачем, кому она нужна?» — думал паренёк. Эти грустные мысли не давали ему покоя. Вот отчего он не спал уже несколько дней...

На пепелище он нашел немецкий пистолет с полной обоймой, половину почти нового пальто и ту самую старушку... Димка присел на корточки, хотел посмотреть ей в глаза, но не выдержал и отвернулся. «Ох, бабушка! — подумал он. — И за что ж тебя так?» У Димки покатила слеза по щеке. Он резко вскочил, разозлившись на себя, и убежал... «Эх, дитё!» — думал он про себя.

— Ну, Дмитрий Иванович, готовься! Командир говорит,

сегодня мы вперед опять идем. Разведчиков выслали. Они говорят, что засада может быть. Крепись, брат, крепись!

— Что ж, идем тогда.

— Ждать нельзя. Впереди — подкрепление и провизия, а здесь — ничего.

Димка, молча, пощупал немецкий пистолет за пазухой. Что ж, может, сегодня ему повезет, и он покажет всем, что и мальчишки тоже на что-то способны. Нет, он уже не ребенок, он — большой! И сегодня, сегодня...

Отряд молча пробирался по редколесью. Ближайшие метров пятьсот хорошо просматривались между хилыми октябрьскими березками, и можно было быть абсолютно уверенными, что здесь нет и не может быть никакой засады. Но дальше начинались небольшие холмы, и неизвестно что, вернее, кто ожидал там русских бойцов.

Сухие листья громко шуршали под ногами, и, как ни старался отряд, идти тихо не получалось.

Димка постоянно убегал вперед, и приходилось его возвращать. Наконец командир гаркнул на него и приказал Палычу не отпускать паренька от себя, и Димка присмирел.

Началась холмистая часть. Отряд замедлил шаг. Димка слушал: ему казалось, что воздух звенит в ожидании чего-то страшного. Он вдруг увидел где-то сбоку злую волшебницу из ночного кошмара. Димка тайком от Палыча и от отряда пошел туда, в сторону, где она... Посмотреть.

Когда он вернулся через пару минут, к нему спиной стоял немец. Он приставлял дуло пистолета к виску командира и кричал: «Стоять! Руки вверх, вверх! Стрелять буду!».

Димка вздрогнул, растерялся, но лишь на секунду. Он вспомнил про свой пистолет, быстро вынул его, взвел курок и прицелился...

Он хотел нажать на курок, ведь немец же не видел его, не видел! Но не мог вот так убить кого-то ... человека... в спину...

«Да стреляй же! — прошипел ему на ухо неизвестно откуда появившийся Палыч. — Ну!» У Димки начало темнеть в глазах. Тогда Палыч положил свою руку на курок.

Выстрел.

*Лариса РУСАНОВА, 10 лет
с. Кривец,
Мантуровский район*

Девушка в солдатской шинели

2003 год для Александры Егоровны Раменских знаменателен двумя важными событиями-юбилеями: 60-летием Курской битвы, в которой она принимала участие, и 80-летием со дня рождения.

Её малая родина — село Михельполье Мантуровского района, где прошло детство, юность и последующая жизнь.

— Моё родное село тянется на несколько километров по долине реки Сейм, — говорит моя собеседница. — До войны в нём проживало около тысячи человек. Были несколько начальных школ, которые размещались в барском доме, изба-читальня. Недалеко от школы находилось небольшое озеро. Летом ребяташки ловили в нём карасей, пескарей. А теперь кругом запустение, от которого сжимается сердце. Нет ни одного культурного учреждения, заброшено школьное здание, затянуло илом озеро.

Александра Егоровна окончила четыре класса, когда началась Великая Отечественная война. Затихли гармошки, приумолкли деревенские хохотуны. На лицах односельчан появился отпечаток тревоги и озабоченности.

— Мужчины ушли на фронт, в селе остались лишь женщины, дети и старики, — продолжает разговор А.Е. Раменских. — И основная тяжесть легла на нас, девушек. Беззаботной юности пришел конец.

На колхозном поле работали от зари до зари: косили пшеницу, вязали снопы, снашивали их в копенки. Уж что-что, а цену каждому колоску знал каждый из нас.

В школе после освобождения Кривца разместился штаб наших войск. Нас, 16 девушек, после работы стали обучать верховой езде на лошади, стрелять из оружия. Все это потом пригодилось. Я была сильной и здоровой, не боялась никакой тяжёлой физической работы.

Когда началось строительство железной дороги Ржава—Старый Оскол, Саша в числе первых влилась в ряды строителей.

— Я жила дома, но питание было неважное, — повествует Александра Егоровна. — Но не это было главное. Нам всем так хотелось побыстрее изгнать врага с нашей земли, поэтому мы не обращали внимания ни на какие трудности.

Как только закончилось строительство дороги и пошли эшелоны с военной техникой, Саша Раменских, не долго раздумывая, пошла в райвоенкомат с просьбой — направить её в действующую армию. Ей не отказали. Военную службу она начала связисткой.

— Мой фронтовой путь начался с освобождения Белгорода, — рассказывает участница Курской битвы. — Мне сейчас трудно вспомнить наименования частей и соединений, командира роты, но страшные бои за город не забуду никогда. Я видела, как дрались наши воины за каждый дом, за каждую улицу. Мне самой приходилось стрелять по немцам. И поверьте: страха не было. Уж столько горя принесли фашисты на нашу землю, что, кроме ненависти к врагу мы ничего не испытывали. Хотелось уничтожить захватчиков как можно быстрее, очистить родную страну от этой «чумы». Моя душа наполнилась гордостью, когда Москва салютовала нам, освободителям замечательного города Белгорода. А потом мы пошли по киевскому направлению. У нас в части заболел повар, и эту обязанность передали мне. Я понимала, какая высокая ответственность легла на мои плечи. Ведь от хорошего питания зависит боевое настроение бойцов и командиров. А потом снова связь.

Как-то ей пришлось нести катушку с проводом, чтобы наладить связь между подразделениями. Когда она подошла к окопу, то услышала людские стоны. Оказалось, что в нём лежали раненые немцы. И Саша бегом к своему командиру с донесением. Пришли наши и забрали фашистов. Те дали важные сведения. За это Александра была удостоена медали «За боевые заслуги». Ходила Шура с солдатами и в разведку за «языком».

Александра Раменских с боями дошла до самого Берлина. В 1945 году она поехала в Подмосковье на угольную шахту, здесь и встретила своего любимого — Ушакова Николая Григорьевича. Поженились. Поначалу решили остаться в тех местах навсегда, но вскоре на шахте произошёл обвал, Александра получила травму. После её выздоровления супруги переехали в Михельполье. Александра Егоровна многие годы возглавляла в родном колхозе «Красный победитель» звено свекловодов. За мирный труд не раз награждалась грамотами и ценными подарками.

*Екатерина ФУРСОВА, 15 лет
п. Пристень,
Пристенский район*

В дни оккупации

(свидетельства детей-очевидцев)

У братской могилы, там, где на мраморных плитах золотом отливают имена тех, кто пал смертью храбрых, защищая подступы к моему посёлку, кто был участником грозного Прохоровского сражения и однажды «не вернулся из боя», стоит пожилая женщина, опираясь на тросточку. Стоит, низко склонив голову, и благородное серебро её волос ласкает майский ветерок (был месяц май, 9-е число). Молчит. И думает, думает... Что её тревожит? О чем она думает? Потом я увидела её в нашей школе, на вечере встречи с ветеранами Великой Отечественной войны.

Анна Ильинична Оседач — уроженка этих мест, была четырнадцатилетней девчонкой, когда в конце 1941 года немцы заняли её родную Ракитнику, выгнали всех жителей из домов в погреба, подвалы, не подпускали близко к домам. Резали скот, уничтожали домашнюю птицу, забирали вещи. «Нас, — вспоминает Анна Ильинична Оседач, член Совета ветеранов Великой Отечественной войны республиканского значения, — меня и двух моих братьев (наша фамилия Алексеевы), приютила семья Чехориных. Когда началась оккупа-

ция, в нашу Ракитнику пригнали много раненых немцев, жителей села сгоняли ухаживать за ранеными. Так я оказалась в немецком госпитале.

Однажды в углу подвала я увидела гранату. Мелькнула шальная мысль взорвать и себя, и немцев. У немцев была переводчица Алла, из русских. Остановила она моё безумие, попросив подумать о маме и братьях, и сказала прийти в штаб за грязным немецким бельём, которое она советует стирать и носить ей в больших плетёных кошелках. Квартирная хозяйка, добавила она, будет помогать. А у моей хозяйки тайно на печке жил казачок, который днём скрывался на печи, а ночью куда-то уходил. И тут я поняла, что корзина с бельём — не просто корзина, а вместилище, имеющее двойное дно, где хоронятся гранаты и патроны, передаваемые Аллой из немецкого штаба, а казачок этот груз по ночам доставляет в партизанский отряд. Бывало, иду я по центру с такой корзиной мимо виселицы с повешенными, руки трясутся, ноги подкашиваются, вот-вот упаду в обморок, а сзади полицай-охранник толкает меня в спину, подгоняет. Алла советует мне его не бояться, а я никак со страху не пойму, что это свой, партизан.

Однажды Алла попросила меня подойти к колодцу с ведрами, — продолжает Анна Ильинична, — там будет знакомый полицай. Он-то должен проводить меня до конца леса, до линии-узкоколейки, что ведёт на Обоянь, а там ползком, по-пластунски, я должна переползти на ту сторону, доползти до крайнего дома в Нагольном, где меня должны встретить.

Был февраль, разыгрался страшный буран, пронизывающий насквозь ветер. (Я уже догадывалась, что я — не просто я, а связная партизанского отряда). И я поползла в сугробах. Коченели руки, тело, стыли ноги. В крайнем доме меня встретил дедушка, небритый, старенький. Очень мне обрадовался. Покопался у меня в волосах, нашёл записку, прочитал и усмехнулся: «Теперь у них это дело не выгорит».

В тепле руки, ноги зашлись, от боли заходило сердце. Казалось, что это конец. Все было обморожено. Меня акку-

ратно обмыли тёплой водой, осторожно обсушили чистой тряпкой и смазали гусиным жиром. Отвлекая меня от дикой боли, дедушка сообщил, что 65 юношей и девушек немцы собираются угонять в Германию, а я их спасла.

Назавтра партизаны перехватили автомашины с нашими людьми и освободили их, перебив охрану.

В последних числах марта мой полицай уложил меня на плетень, прикинул хворостом и повёз в Олыпанку. В Ракитнике нам оставаться стало опасно: готовилась операция по освобождению заложников, семей коммунистов, которых держали в одном из подвалов. Среди них была моя мама. Нас же, и меня в том числе, отправляли в безопасное место.

В Олыпанке меня встретила полная женщина, накормила, напоила молоком и сообщила, что мама с братьями завтра тоже будет в Олыпанке. Никогда не забуду доброту людей, полураздетых, полуголодных, отдававших нам еду и одежду. Спасибо вам, добрые люди!

...Через некоторое время — стук в окно: пришёл связной с распоряжением идти мне в разведку в Малую Псинку, в расположение немецкого штаба.

Кругом немцы. Мне стало страшновато: девчонка ведь еще! Во дворе была Шурка, моя подружка (Александра Петровна Волкова). Я возьми да и позови её с собой. Пойдём, мол, прогуляемся до Псинки. Она согласилась. Поздно ночью постучались во второй дом от моста, нас радушно приняли, оставили ночевать. Шура ушла играть с детьми и все звала меня к ним (она не догадывалась о настоящей причине прихода сюда), а я с хозяином срисовывала план Псинки. Потом меня причесали (замотали записку в волосы), разломали краюху хлеба на кусочки, положили рядом с картошкой в корзинку, и я отправилась назад. Через два дня военные с партизанами в Псинке устроили грандиозный погром.

А вскоре, в 43 году, к нам прибыл госпиталь и расположился на болоте. Я ушла работать санитаркой в медсанбат. Через неделю госпиталь эвакуируется — меня не берут: мала, девчонка ещё. Добрые люди написали справку, что мне 16 лет. Так я попала в действующую армию.

Однажды на переправе меня ранило в ноги. Долгое время ходила на костылях в госпитале под Киевом (это был уже 44 год, а ранило в декабре 43). Излечилась — осталась в своем госпитале санитаркой. Дошла до Праги, 44 раза сдавала раненым кровь, но до Германии, к сожалению, не дошла.

Анна Ильинична, задумавшись, замолчала: «Вот почему я теперь почти не хожу. А в медицинской карточке о моей болезни пишут: «последствия военного ранения», — заключила свой рассказ эта удивительная женщина.

* * *

Детская память — острая память. Разговаривая с Михаилом Николаевичем Еськовым, нашим писателем-земляком о литературе, современных проблемах, жизни вообще, мы подняли вопрос, так давно интересующий и тронувший нас до глубины души: о его военном детстве, как ему удалось выжить в ужасе оккупации?

Мише Еськову было шесть лет, когда мальчик познал тяготы фашистской оккупации. В конце ноября 1941 года землю хутора Луг потрясли мощные взрывы. Михаил Николаевич вспоминает: «В нашу хату зашли два офицера, присели на диван, потом ходили по хате, возмущенно ворчали. Немцы остановились на хуторе и оккупировали его. В Озерках, в Заводе — наши; на хуторе Луг, Ржавчике — немцы. Напротив домов располагалось болото, недалеко — незамерзающий колодец.

Однажды утром жителей хутора потрясла увиденная картина. Вдоль ручья были посажены убитые русские солдаты, покрытые льдом и инеем. Немцы для устрашения на наших глазах изгалялись над убитыми солдатами. Потом мирное население: стариков, женщин, детей — погнали по направлению Псельца, не давая женщинам захватить с собой хотя бы тёплую одежду. А день на дворе морозный, ноябрь. На подходах к Псельцу одна женщина остановилась около дедушки с сундуком, в котором сидели его внучки, раздетые, в одних ситцевых платицах. Одна из внучек замёрзла и умерла.

По полю растянулась вереница беженцев. Неожиданно по движущейся колонне начался обстрел с наших позиций. Наши думали, что это немцы.

В Псельце по домам набилось много народу. Хозяева принимали всех. И в нашей хате негде было яблоку упасть.

Вдруг ночью — стук в окно. Дедушка вышел в сени и ввел в хату мужчину. Керосиновую лампу поставили под стол, чтобы приглушить свет. Это был разведчик, переодетый в местного жителя. Он отправился в разведку, в тыл к немцам. А утром всех согнали к церкви, где были поставлены виселицы. Немцы поймали разведчика и публично его повесили. Мы боялись доноса, но всё обошлось. Никто не выдал нашего дедушку. Пселец был забит виселицами. А по ночам наши самолеты бомбили немецкие укрепления».

Мише Еськову было восемь лет, когда над его селом гремела канонада Курского сражения, и хутор опять заняли немцы, бесцеремонно вламываясь в крестьянские хаты. «О-о! Матка! — Сивая громадина срывает с мамы теплый платок, обматывает себе шею, прижимается к платку щекой, жмурится». А что остается ей? Она хлопчет у печи, готовит нам картофельный суп на чистой водице.

А потом была жизнь в подземелье, в погребе (немцы расположились в хате). Бои шли в районе Обояни. В небе ревели самолеты. Взрослые бросали работу, подолгу глядели в небо, плакали, кричали, рвали на себе волосы и ликовали, когда взрывы оглашали окрестности.

Мой отец был тогда непризывного возраста, но отступил с нашими войсками, а потом они попали в окружение, и отец вернулся домой.

Как-то родители нас повели к лощине за нашим огородом. В лощине — рожь-падалица, во ржи, в бурьяне все заминировано. Там мы увидели братскую могилу, которая кишела червями. На корнях деревьев обвисали человеческие волосы, иногда длинные, женские. Страшное было зрелище.

Ребятишки ходили только по изведанным дорогам. Но мальчишки — неугомный, отчаянный народ — часто подрывались на минах, разряжали снаряды, взрывали их в кос-

трах. Много от таких шальных игр погибло моих сверстников, много было искалеченных. Один мой одноклассник из патрона затеял сделать мундштук — ему выбило глаз, он не успокоился — оторвало руку.

Фронт у нас стоял несколько месяцев. Кругом было все заминировано, поэтому мирное население, особенно дети, на минах подрывались очень часто. Каково же было наше ликование, когда на хутор пришли наши войска, обещаая нам мирную жизнь».

«В военное время, — продолжал свой рассказ Михаил Николаевич, — особым спросом пользовалась соль. В Политотделе была пекарня, которую во время вражеских налетов авиации разбомбило. Люди разведали, что песок, которым крепились кирпичные стены, был замешан с солью, поэтому разламывали стены, выламывали кирпичи, соленый песок соскребали в мешочки и этой солью солили пищу. Много было нами съедено солёного песка — это была на селе великая драгоценность».

Война нарушила все. Сожжено много хат, не осталось лопат, вил. Нашелся на хуторе плужок. Дедушка — сосед оборудовал его под шлеи, в которые впрягались женщины и тянули плуг, выполняя роль тяговой силы.

«Я, — вспоминал писатель, — пахал свой огород на сестрах, да еще девчонка — соседка. Плуг был тяжелый. Силы на исходе. Соседская девушка смастерила кнут, требовала, чтобы я их подстегивал и ругался на них черным словом. Видимо, чувство озлобления, обиды могло придавать им сил, а я не мог их обидеть».

* * *

Все дальше и дальше в историю уходит время. Нравы поколений меняются, увы, не к лучшему. Я часто думаю, сумею ли я, будущая мать, научить своих детей милосердию, доброте, привить им любовь к истории, прошлому, восхищение такими людьми, как Анна Ильинична Алексеева-Оседач и Михаил Николаевич Еськов. Ведь история жизни этих людей — это не только их личная жизнь, это и жизнь нашего народа в годы Великой Отечественной войны. Они выстояли, победили, а мы — сможем ли?

Есть в Прохоровке поле боевое...

Видение на Прохоровском поле

Ирина Картун, 15 лет, г. Старый Оскол

И это — главное

Если есть что-то вечное на земле, так это память. Передаваясь от поколения к поколению, она создает духовное лицо народа. Без памяти народ безлик. Вот почему я с радостью и волнением читал стихи и прозу наших юных белгородцев о своих дедушках и бабушках, прадедушках и прабабушках, вынесших все тяготы самой жестокой войны и победивших.

Порыв, побудивший ребят на творчество, самый благородный. Потому их произведения надо оценивать не столько с литературной точки зрения, сколько с патриотической. Авторы понимают как важно для человека любить свою Родину, большую и малую, быть готовым защитить её, и это — главное. Писательское мастерство, если юные поэты и прозаики очень захотят, придёт, его можно наработать, а чувство исторической памяти — скорее врожденное. Прекрасно, что оно у наших детей и подростков есть.

*Валерий ЧЕРКЕСОВ,
член Союза писателей России
г. Белгород*

*Алена КУЗУБОВА, 9 лет
г. Белгород*

Мой дедушка

Мой дедушка о войне
Соседу быль рассказывал,
О том, что видел не во сне,
И три рубца показывал.

*Владимир ШУВАЛОВ, 14 лет
г. Белгород*

Здесь прогремел салют

Чёрные тучи накрыли мой Белый город.
Чёрные крылья войны. 43-й год.
Алые пятна крови на огненном поле,
Там где врага назад повернул народ.
Немало сделал ты, мой город, для Победы,
Не зря здесь первый прогремел салют!
И на местах былых тяжёлых сражений
Теперь колокола святых церквей поют.

*Артем ШАНДАКОВ, 11 лет
г. Белгород*

Танковое сражение

«Танки сошлись на Курской дуге
Летом в году сорок третьем» —
Об этом поведал дедушка мне.
Он был за танк свой в ответе.
Сраженье тяжёлым было тогда,
Много погибло народа.
Мы будем помнить об этом всегда,
Салютуя в небесные своды.

*Мирослава ЮРИНА, 9 лет
с. Ютановка,
Волоконовский район*

Не отступим!

Погибшие воины русской земли,
Вы пали в боях за свободу,
Чтоб видели добрые мирные сны
Потомки, не зная невзгоды.

Вы будете вечно жить в наших сердцах,
А мы достойною сменой вам будем.
И, если придётся за Родину встать,
Мы так же, как вы, не отступим.

*Алексей ДЕКАНЬ, 10 лет
г. Алексеевка*

Фронтовые дороги

*Посвящается моему дедушке
Федору Ивановичу Божко*

А вокруг соловьи
Шумно трели свои разливают.
Колосок к колоску
Тучно нива взошла.
Разве прадед мой думал,
Что горе внезапно нагрянет,
На войну он уйдет...
И останется сын без отца.

Но прошло много лет,
И вернулся мой дед,

И встречали его на пороге.
Лишь тогда все узнали,
Где он воевал,
И куда пролегли
Его фронтовые дороги.

*Александр ХОРХОРДИН, 13 лет
с. Ильинка,
Алексеевский район*

Разговор с дедом

Я не знаю войны — мне ведь только тринадцать,
Не кричу по ночам — мне не снятся бои.
Отчего же мне, дед, так становится страшно,
Видя руки, пробитые пулей, твои?

Дед, скажи, почему вам не спится ночами,
Ведь полвека прошло с той проклятой войны?
Залечила страна свои страшные раны.
Не смогли залечить свои раны лишь вы,

И все ходите, ходите ночью в атаку,
И земля под ногами, как прежде, горит.
И в землянке, с гармонью, дымя папиросой,
В 43-м убитый дружок твой сидит...

Я не знаю войны — мне ведь только тринадцать.
Не кричу по ночам — мне не снятся бои.
Но войну, слышишь, дед, я навек проклинаяю,
За пробитые пулями руки твои...

*Александр ПОДБЕЛЬЦЕВ, 13 лет
с. Береговое,
Прохоровский район*

Под Прохоровкой

Двенадцатое июля,
Сорок третий год.
На Прохоровском поле
Смертный бой идет.
Уже не видно солнца
Из-за сплошного дыма,
Снаряды часто рвутся,
И часто рвутся мины.
Пылает жарко пламя —
Поленом танк горит.
На самом дне окопа
Солдат в крови лежит.
«Давай, давай, ребята,
Фашистов гнать и бить!», —
Он бледными губами
Друзьям своим твердит.
Всё жарче, жарче, жарче
Кровавый бой идет,
И гибнет в нем со славой
За взводом снова взвод.
Без умолку грохочет,
Смерть сея, пулемет.
В упор по вражьим танкам
Большая пушка бьет.
Нет, он не растерялся,
Не струсил наш земляк.
Пока окоп глубокий
«Утюжил» вражий танк,
Успел рукой здоровой
Он выдернуть кольцо.

Взрыв огненный, жестокий
Дохнул в его лицо...
Тем временем тяжелый
Бой к ночи затихал,
Над блиндажом дубовым
Стяг кровью полыхал.

*Кристина НАЗИНА, 13 лет
п. Томаровка,
Яковлевский район*

Прохоровское поле

Есть в Прохоровке поле боевое,
То поле, опалённое войною.
Сюда невесты дань в цветах приносят,
Как будто у земли прощенья просят:
За счастье, что имеют на земле.
За тех, кто пал на той большой войне
И дал возможность женихам родиться.
Пусть это горе никогда не повторится!
Пусть спит спокойно поле под «дугою»
И радуется нас зеленью весною.

*Евгений МОЛЯРЕНКО, 13 лет
с. Курасовка,
Ивнянский район*

Год седьмой ему шёл...

*Моему дедушке
Родионову Петру Ивановичу*

Эту горькую правду
О суровой войне,
Как потомкам в награду,
Дед рассказывал мне.

Был он маленький очень
В те суровые дни.
Вспоминать ему больно
Как остались одни.

Как отец его Ваня
Воевал на войне,
Под Смоленском остался
Он навеки в земле.

Много горя и боли
Испытать довелось:
Очень трудно мальчишкам
В это время жилось.

Это было в деревне,
Налетел «мессершмитт».
Может маленький мальчик
Был бы пулей убит.

Его мама, внезапно
В буерак поваля,
Своим телом прикрыла,
Чтоб спасала земля.

«Мессершмитт» покружился,
Пулей землю прошив,
«Ястребок» появился —
Дед остался мой жив.

Этот случай навеки
В его память вошел.
В те суровые годы
Год седьмой ему шёл.

Много лет уж минуло,
Седина на висках.
Даже мне было больно —
Дед рассказывал так.

*Лилия ТИТОВА, 15 лет
с. Ярское,
Новооскольский район*

В День победы

Я, может быть, и всё сказать успела,
Но дедушка не смог тех слов дожждаться...
Он воевал, когда война гремела,
Как все, как все, мечтал живым остаться.
Не прятался за спинами чужими,
За нашу землю был всегда в ответе.
И не его вина, что оглушило
Его и что в плену очнулся на рассвете.
Овчарок лай, побои, речь чужая,
Страдания тяжкие — как вынести он смог?
Об этом, из его рассказов зная,
Я помню. В горле горьких слёз комок.
Я каждый День победы жду с волнением.
И мне порой так трудно оттого,
Что вспомнится в счастливые мгновенья:
Мой дедушка не дожил до него.

*Екатерина ОГУРЦОВА, 14 лет
п. Октябрьский,
Белгородский район*

Генерал Ватутин

Уголок России —
Милый отчий дом —
Щедро согреваешь
Всех своим теплом.
Ты врагом не сломлен
В тех сороковых,
Ты взрастил достойных
Сыновей своих.

Тех, кто защитили
Родину в бою,
Кто за нашу землю
Жизнь отдал свою.
Среди сильных многих —
Русский генерал.
Совестью и честью
Он не торговал.
Он сполна изведаль
Тяготы войны,
И его победы
Помнить мы должны.
Генерал Ватулин —
Мой земляк и твой,
Заслужил по праву
Звание — Герой.

*Алексей ШЕВЦОВ, 12 лет
г. Короча*

След в жизни

Я прадеда, конечно, не помню своего,
Но знаю, что нелегкой была судьба его.
Из рассказов старших слышал я, что он
В дни боев тех страшных уходил на фронт.
Он никогда не трусил и смело воевал,
Но вот пришла бумага, что «без вести пропал»...
Немало лет минуло со страшных тех времен,
Надежда угасала, что вдруг найдется он.
И вдруг однажды в книге, что папа мой принёс,
Нашелся след солдата — он столько перенёс!
Был тяжело он ранен и в плен попал потом,
Бежать пытался дважды, но схвачен был врагом.
Фашисты издевались, — пытались покорить,
Ни с чем они остались — «Не станем в рабстве жить!»
Закончились на этом слова о жизни той,
Но ведь теперь я знаю, что прадед мой — герой!

*Евгения БЕСХМЕЛЬНИЦЫНА, 13 лет
г. Старый Оскол*

Памяти пропавших без вести

*Мы говорим «Не убей» — убиваем.
Мы говорим «Не забудь!» — забываем.
Мы говорим «Не теряй!», но теряем,
Совесть порою теряем свою.*

Залпы давно отгремели победные,
Мирными будни сменились военные.
С фронта домой возвратились солдаты:
Выжив в смертельном бою.

...Он не вернулся. Погибшим не значится.
Мать и жена много лет не наплачутся.
Дети с тех пор уже взрослыми стали,
Их не увидеть ему.

Где же они, тех безвестных могилы?
Может, в болотах, затянутых тиной?
Может, в лесах, под травой некошеной?
Знает ли кто о могиле заброшенной?
Помнит ли кто про нее?

Нет, не боимся, ни Бога ни черта мы,
Если вот так чья-то жизнь перечеркнута,
Если вот так чья-то смерть не замечена,
Чья-то судьба навсегда искалечена.
Мёртвым уже все равно.

Эти могилы, дождями размытые,
Ноют, как будто бы раны открытые,
Стонут, в сердцах отзываясь укором,
И на живущих ложатся позором,
Тяжким ложатся грехом.

Нет нам прощенья. В нас нет покаяния.
Люди, вы слышите, вас заклинаю я!
Память в веках о безвестных храните,
Верьте, любите, ищите и ждите,
Низкий им шлите поклон.

*Никита БОГОМАЗ, 14 лет
г. Строитель*

Играют мальчики в войну

Мы родились попозже,
Мы войну не застали,
О военных походах
Мы лишь в книжках читали.

Но седых ветеранов
В День Победы встречали,
И в войну во дворах мы
«Понарошку» играли.

Каждый был командиром,
Очень храбрым солдатом,
Никогда не сдавались
В плен фашистам ребята.

Мы стреляли из танков,
Мы стреляли из пушек,
А винтовка считалась
Самой лучшей игрушкой.

Да, досталась победа
Дорогою ценою.
Пусть война для мальчишек
Будет только игрою.

Цветы ветерану

Александр Иванов, 12 лет, г. Белгород

*Алексей КИЯЩЕНКО, 9 лет
г. Белгород*

Июньский вальс

Они учились в одном классе белгородской школы. В июне 1941 года в школе был вечер. Она пришла в голубом платье, а он — в строгом отутюженном костюме и в белой новенькой рубашке. Рубашку ему сшила мама — тогда ведь таких вещей, как сейчас, не было, и матери чаще всего шили детям сами.

Он пригласил ее на вальс. И это была самая красивая

пара. Июньский вечер выдался душным. Он решил снять пиджак и танцевать в одной рубашке. Вальс закружил их снова. Но что это? Все как-то странно на них смотрели и хихикали

О Боже! На нем была рубашка без рукавов — мама не успела пришить их. Он решил, что не будет снимать пиджак и совсем забыл об этом. Наверное, вальс был во всем виноват. Победно взглянув на всех, она сказала:

— А это новая мода!

Через несколько дней он ушел на фронт, и она ждала его долгих четыре года.

Дома в шкафу наших знакомых Петра Ивановича и Ирины Павловны рядом с военной формой и орденскими планками висят голубое платье и белая рубашка с непришитыми рукавами. Висят вместе уже больше полвека.

*Юлия ХАУСТОВА, 15 лет
п. Волоконовка,
Волоконовский район*

Андрей, Дмитрий, Денис

(рассказ)

1.

Бои на Курской дуге. В районе Прохоровки — танковое сражение. В составе экипажа одного из танков воевал Андрей. Накануне он получил письмо от жены Валентины: родился первенец, сын, и это придавало молодому танкисту силы.

Сотни танков двигались друг на друга. Казалось, что горит всё: небо и земля. День и ночь смешались в серо-огненное пятно. Танк Андрея подбили, он навсегда остался на ратном поле...

2.

Прошли годы. В далёком Туруханске вырос и обзавелся семьёй сын Андрея Дмитрий. Он стал отцом троих детей.

Для бабушки Вали внучки-двойняшки Катя и Маша и маленький Дениска стали единственной отрадой. Она часто рассказывала им о детских годах их папы, о своей любви к их дедушке Андрею, героически погибшему.

В один из зимних вечеров Дима сказал жене:

— Любимая, нам надо проститься.

Аня смотрела на мужа, не понимая, о чём он. А Дмитрий говорил об Афганистане, о долге, о войне, на которую он уходил в составе ограниченного контингента советских войск. Валентина, узнав о решении сына, была в шоке: война отняла у неё мужа, а вот теперь забирает и сына.

После отъезда Димы Валентину часто видели в слезах. Тогда внучки, обнимая бабушку и маму, говорили, что их папочку никто не посмеет обидеть. Даже Дениска щебетал: «Не плачьте, папа скоро приедет». Но случилось по-другому: Дмитрий погиб.

3.

Валентина и Анна буквально согнулись от горя. Немного придя в себя, Анна со свекровью переехали в небольшой городок в Белгородскую область.

Мало-помалу они обжились на новом месте. Девочки стали взрослыми. У них уже были свои дети. Денис вырос видным, сильным парнем, в отца и дедушку. У него была любимая девушка с голубыми глазами и непокорной чёлкой — одноклассница.

Дениса призвали в армию, а вскоре семья узнала, что он будет нести службу в Чечне. Родные боялись черных вестей, но судьба сжалилась: юноша вернулся. Лишь награды на груди говорили о его нелёгкой службе, да порой он вспоминал своих погибших друзей.

Вскоре Денис женился на голубоглазой Ире. У них родился сын Роман — маленькое солнышко. Когда это «солнышко» бегает по траве, прабабушка Валя смотрит на него и думает: «Неужели и этому малышу придётся пережить войну?»

Кто ей даст ответ на этот вопрос, кто ей ответит: «Нет»!

*Владимир ЩЕПУНОВ, 9 лет
с. Андреевка,
Чернянский район*

Что я думаю о войне

Я родился и живу в мирное время. О войне я узнал из книг, рассказов прабабушки и из рассказов в школе.

Раньше, когда меня не было на свете, у меня был прадедушка. Он воевал против фашистов. В 1943 году он прислал моей прабабушке письмо: «Горит под нами земля и небо, наверное, мы больше не увидимся: такие здесь бои. Прошу тебя об одном: храни детей, расти их честными, бесстрашными, чтоб никакой враг одолеть их не мог. Пусть знают и помнят: папка их солдатом настоящим был ...»

Это была его последняя весточка, написанная с Огненной дуги перед сражением. А чуть позже получила прабабушка извещение, в котором было написано: «Пропал без вести».

Так и осталась она одна. Лишь двое деток давали ей силы жить, потому что надеяться было не на кого. Война отняла у неё мужа, а у малых ребятишек — отца. Нелегко пришлось солдатской семье, порой ели даже хлеб пополам с опилками.

Но всё равно наши бабушки и дедушки, прабабушки и прадедушки одержали победу в этой войне.

Я хочу, чтобы у всех детей земли были живы папы и мамы. И самое главное — чтобы люди были добрее друг к другу. Тогда не будет такого зла, как война.

*Алена СЕРЕНКО, 11 лет
г. Шебекино*

Подвиг солдата

Однажды на утренник, посвящённый Дню Победы, мы пригласили ветеранов войны. Из всех приглашённых пришёл только Коржов Григорий Семенович. Это был смуглый, черноволосый, невысокого роста пожилой мужчина. На его груди красовались ордена и медали.

— Расскажите, пожалуйста, когда и за что Вы получили свою награду, — попросили мы нашего гостя.

И Григорий Семенович начал вспоминать:

— Это было в 1942 году. В Курской области наш полк вел тяжелый бой. Командир нашего танка получил приказ задержать противника во время переправы через широкую речку. Необходимо было взорвать мост, пока фашисты не перебрались на наш берег. Был вечер. Экипаж понимал, что идет на трудное, ответственное дело.

Танк незамеченным вышел из леса, подошел к мосту. Но тут вспыхнула ракета и осветила все вокруг. Около танка оказался солдат-связист, который сообщил, что обстановка изменилась и на танке не пройти. Отошли назад. Быстро изготовили плот, взвалили на него взрывчатку, перебрались на тот берег вплавь и спрятались под мостом. Механик бесшумно убрал часового. Я заложил взрывчатку и приказал всем отплывать, как можно дальше и быстрее, от опор моста.

По мосту уже двигались вражеские мотоциклы и танк. Действовать надо было очень быстро. Через несколько секунд ребята были уже далеко. Я зажег шнур и, попрощавшись с жизнью, нырнул в воду. Раздался взрыв. Опоры моста рухнули. Вместе с мостом взлетела в воздух и вражеская техника.

Мне повезло: рядом с местом, где я вынырнул, упало толстое бревно, которое и помогло мне доплыть до берега. За эту операцию мы были награждены орденами Красного Знамени.

Много ещё интересных случаев из фронтовой жизни рассказывал нам ветеран, и мы благодарны ему за это.

Недавно Григория Семеновича не стало. Но мы всегда будем помнить о нем и о воинах, защитивших нашу Родину. Мы благодарны им за то, что не знаем голода, холода. Это обязывает нас быть готовыми защитить Родину. Это наш долг перед теми, кто уже никогда не увидит солнца, кто погиб, защищая свой народ.

*Андрей ГАВРИЛЕНКО, 13 лет
с. Верхние Лубянки,
Волоконовский район*

Святое место

Небольшое русское село Верхние Лубянки в центре России. Выйди за его околицу, и ты сразу очутишься на вершине холма. Отсюда село видно как на ладони: тянется лента домов, убегает вдаль дорога, беззвучно течёт маленькая речка.

Тишина. Слышно, как шелестят листьями вершины красавиц берёзок у памятника погибшим танкистам.

Не красы ради поднялся на холме этот памятник. Шестидесят лет назад свинцовый ураган пронёсся над селом. Пылала трава, горели дома, падали под пулями убитые. И, прощаясь с погибшими товарищами, бойцы думали о нас, о тех, кто вырастет на этой омытой кровью земле, кто будет беречь память о солдатах Отечества.

Прошли десятилетия. Мало-помалу залечила свои раны волоконовская земля, перестали кровоточить сердечные раны моих земляков. Но события жаркого июльского дня 1942 года из их памяти время не изгладило. Из поколения в поколение, из уст в уста передается рассказ об этих событиях.

*Июль удушливой жарой
Окутал Верхние Лубянки.
Там, у дороги, под горой
В засаде скрылись наши танки.
Минуты ложной тишины,
Горят расстеленные травы:
«Сражайтесь насмерть! Вы одни!
Соседей слева нет и справа».*

У Верхних Лубянок героически сражалась 91-я отдельная танковая бригада под командованием И.И. Якубовского и 434-й стрелковый полк. Почти сутки они сдерживали натиск фашистов, уничтожили 30 танков, 50 автомашин, 2 бата-

реи, более 1500 вражеских солдат и офицеров. Но несмотря на мужество и героизм войск, остановить врага не удалось. В этом бою погибло много наших солдат.

*... На месте том мемориал
Стоит гранитный, величавый,
Под ним лежит, кто умирал,
Покрыв себя бессмертной славой.*

В честь воинов, защищавших наше село и героически погибших в 1942 году, был воздвигнут памятник. На постаменте из серого камня стоит солдат, бережно прикрывающий полую шинели маленькую девочку. Она крепко прижалась к сильному и мужественному защитнику Родины. В её руках цветы. Она принесла их солдату-освободителю. Рядом с памятником — гранитные плиты, на которых высечены имена погибших воинов. В шелесте листьев берёз, окруживших памятник, вечная песня о подвиге павших:

*Слава вам, храбрые!
Слава, бессмертные!
Вечную славу народ вам поёт!
Смерть сокрушившие,
Доблестно павшие,
Память о вас никогда не умрёт!*

Тёмной лентой вьётся тропинка из села. Жители не забывают сюда дорогу. Здесь вспоминают они и о тех, кто в 43-м освобождал наше село. Тогда уже было всё иначе, чем в июле 1942 года.

Шёл январь 1943 года. Воины Советской Армии освобождали наши края от ненавистных фашистов. Вереницей тянулись отступающие немецкие войска. Уже не замечалось того бахвальства, с каким в июле 42-го они вошли в наше село. Нет, эти вояки были совсем не похожи на прежних. Закутанные в одеяла, платки, в женских кофтах и в какой зря обуви... Собственное бессилие перед наступающими частями Советской Армии делало их похожими на затравленных псов. Мирному населению лучше было не попадаться на глаза — того и гляди зло выместят.

Малых и старых выгоняли фашисты на расчистку дороги.

Большой помехой была для них гора, машины буксовали, поэтому мирные жители старались подальше держаться от центральной дороги.

Волоконовка, Нижние Лубянки, хутор Евдокимов были уже освобождены нашими войсками, а в Верхних Лубянках укрепились немцы. Они втащили орудия в сарай, дома. Выбить фашистов было трудно. Вот тогда и послало наше командование в разведку комсомолку Галю Фесенко, чтоб она засекла огневые точки противника. Галя справилась с заданием. Однако, выполняя второе задание (ей было поручено перерезать вражескую линию связи), Галина была замечена немецким патрулём.

*...До хруста ей пальцы ломали,
И дулом грозил автомат
Ни слова не выжал у Гали
Фашистский палач-супостат.*

Её расстреляли за день до освобождения села.

В 1959 году по просьбе учителей и учащихся школы прах Гали Фесенко был перенесён в школьный сад, поставлен обелиск. Это святое место дорого сердцу каждого из нас. Переступив впервые порог школы, первоклассник первого сентября узнаёт о подвиге Гали-партизанки. С фотографии смотрит на нас совсем ещё молодая девушка.

Я часто думаю: не потому ли живы мы, что умерли они? Умерли, защищая тысячи сёл и хуторов, миллионы детей и стариков.

Идут годы. Всё дальше в прошлое отодвигаются события военных лет. Стареют участники этих событий. Но народ не забывает тех, кто шёл в бой по велению сердца, шёл на муку и смерть во имя великой Отчизны и, погибая, всё равно оказался победителем.

Земля становится бесконечно дорогой, когда чувствуешь долг перед людьми, стоявшими насмерть.

*Анна ТОЛКАЧЕВА, 13 лет
с. Ржавец,
Прохоровский район*

Здравствуй, Серёжа!..

Я стою перед невысоким холмиком, покрытым мокрым тяжёлым январским снегом. Это братская могила, где похоронены солдаты, освобождавшие в сорок третьем году наш Ржавец от немцев, куда мы приходим раз в год, чтобы убрать мусор, срубить обильную поросль сирени.

Я раньше никогда не вдумывалась в смысл строк: «Никто не забыт», без интереса, бегло читала фамилии похороненных солдат на каменных плитах до тех пор, пока не увидела единственную фотографию солдата, похороненного здесь.

Молодой, красивый парень, с чуть грустными карими глазами. Я не могла оторвать от него взгляда. Так вот он какой, Громозда Сергей, совсем обыкновенный, смотрит на меня и чуть улыбается. Он улыбается и ещё не знает, что в восемнадцать лет погибнет за незнакомое село Ржавец. Горела свеча рядом с его фотографией, и мне казалось, что Сергей смотрит именно на меня, смотрит прямо в душу. Не выдержав этого напряжения, я заплакала. Плакали и другие, кто был со мной рядом. Что-то в моей душе перевернулось. Серёжа такой молодой, ему жить бы да жить!

Моему дедушке Герою Советского Союза Гостищеву Петру Максимовичу повезло. После войны он остался жив и долго еще жил в окружении детей и внуков.

А Серёжа ничего не успел. Он погиб, и погиб за меня, чтобы я жила. У всех нас есть родные могилы, куда мы ходим, чтобы мысленно пообщаться с близкими когда-то людьми. А этот мальчик с грустными глазами лежит один, и никто к нему не ходит. От этой мысли плачу сильнее. Я решила: обязательно буду к нему ходить!

И вот я пришла, не дожидаясь весны и теплого мая: «Здравствуй, Серёжа! Я пришла к тебе». Наклоняюсь. Кое-где из-под снега торчат сухие палочки сирени. Надо срезать. Правый угол холмика осыпался. Надо приподнять.

Дунул порыв ветра, и на снежный холмик опустился сухой бурый листочек клена. Я подняла голову, а их, оказывается, ещё много осталось. Пусть падают, как кленовые слезы, украшая белый покров холмика темно-желтыми пятнышками.

Уже шестьдесят лет плачут над тобой, Серёжа, клены и березы. Сейчас ты не один. Я буду приходить к тебе. Я буду помнить о твоём подвиге. Я расскажу о тебе своим детям и внукам. Спасибо тебе за то, что я родилась и живу!..

Прими от меня простой зимний букетик из теплых, сердечных слов, посвящённых тебе:

Был ты молод, красив,
Ростом был невысок,
Никакого геройства
Совершить ты б не смог.

Но с другими со всеми,
Не окрепший ещё,
Под тяжелое время
Ты подставил плечо:

Под приклад автомата,
Расщеплённый в бою,
Под бревно для наката,
Под Отчизну свою.

*Александр ЛАТЫШЕВ, 14 лет
п. Прохоровка,
Прохоровский район*

Тарасов

(рассказ)

Тихо светила луна, озаряя неярким светом окрестные поля и верхушки деревьев. Их темно-серые листья мерно шелестели под частыми набегами теплого летнего ветра. Сизый утренний туман клубился над золотыми полосками пшени-

цы, бережно укрывая их своим воздушным одеялом. Еще минута-другая, и вспыхнет восток ярким пламенем алой зари.

И вот, залилось небо пёстрыми красками, разгорелся утренний костер, запылали кружевные облака. Черная тьма, неуютно поёжившись в жарких лучах утреннего солнца, поспешно укрылась под кронами деревьев, притаилась за крутыми склонами поросшего кустарником оврага. Из-за горизонта показался багровый ободок солнца. Казалось, будто оно вобрало в себя всю кровь, пролитую на этой земле, дабы напомнить людям, как нелегко далась победа, какими жертвами удалось отстоять свободу этих просторов.

Тихо скрипнула пружина кровати, зашелестело хлопчатобумажное одеяло и затихло, будто вслушиваясь в густую тишину, царившую в доме. Протяжно простонали старые рассохшиеся половицы, жалуясь на свою нелегкую жизнь. В золотых лучах солнца, полноводною рекой текущих из окна, показалась грубая, резко вычерченная фигура старика. Хмурое, морщинистое, иссеченное шрамами лицо выражало легкую обеспокоенность и возбужденность. Печальные серые глаза, по-прежнему казавшиеся молодыми, обратились к потрёпанному неказистому календарю. С желтой выцветшей страницы невозмутимо взирала на мир дата: 11 июля.

Старик несколько минут стоял молча, не шевелясь. Затем, собравшись с силами, подошёл к ровно побеленной стене и остановился у календаря. Дрожащей от волнения мозолистой рукой он коснулся загнутого уголка. Казалось, что от прикосновения страница рассыплется. Затем беспощадно сорвал её и кинул на застеленный когда-то белоснежной скатертью стол. Вдруг он резко развернулся, подошёл к пыльному покосившемуся шкафу и бережно достал оттуда старую гимнастерку. Облачившись в военную форму и подойдя к двери, он остановился, вероятно, о чем-то вспомнив, подошел к столику и вынул из хрустальной вазы две алые розы, казавшиеся влажными. Затем исчез в темном проеме двери.

На площади перед Звонницей уже собралась толпа. Все выглядело торжественно и празднично. Белые, красные, синие шары опоясывали высокие фонарные столбы, чудно переплетаясь между собой, создавая некое подобие арки. Жаркие лучи яркого июльского солнца отражались от блестящей поверхности сусального золота так, что резало глаза. Плывающее по небу свинцовое облако, зацепившись махровым подолом за её вершину, на минуту остановилось, как бы распутывая непослушное одеяние, а затем проворно пустилось в дальнейший путь.

Отовсюду лилась музыка. Вдруг грянул гром, с неба закапали тяжёлые холодные капли. Народ поспешил укрыться под прочным куполом сомкнувшихся ветвей. Площадь буквально осиротела. Лишь один силуэт виднелся над сомкнувшейся стеной ливня. Он как будто замер, слился с окружающей природой, одиноко стоя под учащающимися ударами дождя.

Это был старик. Он стоял и смотрел куда-то вдаль невидящим взглядом, перед ним лежали алые розы. Постепенно все лепестки с них оббил ливень, унося бурлящим потоком куда-то в сторону. Струйки воды стекали по морщинистому лицу, и нельзя было сказать, что это: дождевая вода или слёзы. Он стоял не шелохнувшись. Лицо его буквально окаменело от напряжения. Перед глазами вновь и вновь мелькали события того далекого дня...

Где-то вдали вспыхивал и гас горизонт. Зарницы становились все явственнее и ближе. «Вот он, фронт!» — многозначительно сказал капитан Тарасов, поправляя сбившуюся в сторону бляху ремня, и вновь окутал себя сизым облаком дыма. Ему было лет тридцать. Потеряв семью в начале войны, он теперь жаждал встречи с врагом, все время был объят жаждой мщения. Тёмное, иссеченное шрамами лицо никогда не посещала улыбка.

Механик Петренко, выбравшись из танка, сообщил, что устранил неполадки и, перепачканный смолой и маслом, сел рядом с товарищами на еще горячую броню. Большие зелёные глаза его печально смотрели в сторону фронта. Пе-

ред каждым боем ему было как-то не по себе. Он вспомнил близких, мирное время, когда всё казалось таким обыкновенным, повседневным, что многое и не замечалось, а теперь, вдали от дома, хотелось увидеть каждую травинку родной земли.

Радист Калинин, сидевший чуть поодаль от остальных, бережно потёр рукавом губную гармошку, прижал к груди. На душу навалились мысли о доме, сердце прыгало и трепетало. Так и хотелось затянуть какую-нибудь знакомую с детства песню. Он только коснулся губами тёплого металла, и музыка полилась сама, трогая за каждую струну души.

Гусев, молодой, только закончивший военное училище боец, устало опустился на крыло танка, сорвал с земли соломинку, заложил руки за голову, глядя в безоблачное звёздное небо. Тревожные мысли лезли в голову: перед первым боем было страшно. Он, стараясь избавиться от них, замурчал себе под нос какую-то песенку.

«Немцы!» — слышалось совсем рядом. Все встрепенулись. На горизонте чернели силуэты бронированных громадин. «По машинам!» — прозвучал другой голос где-то вдалеке. Бойцы в спешном порядке заняли свои места. Слышался первый залп.

«Ну вот, началось!» — вздохнул Калинин. Земля загудела, все кругом заревело, заскрежетало. Танк тронулся. Совсем рядом просвистел снаряд. «Маневрируй!» — сказал Тарасов. «Да нас как муху!» — вспыхнул механик-водитель Петренко. «Выполнять!» — грозно прорычал командир.

По машине открыли огонь сразу несколько «тигров». Петренко наводил пушку на обнаглевшего «тигра». «Бей сбоку, там броня слабже!» — советовал Гусев. Из дула вылетел пучок огня. «Тигр» пошатнулся, накренился, вспыхнул алым пламенем.

Сбоку «наседала» «пантера». «Поворачивай! — кричал командир — ах, не успеем!» «Да я ее!..» — загорелся Гусев и схватил ручную гранату. Щёлкнул люк. Боец высунулся наполовину, замах-бросок, и гигант закружился на месте.

Вдруг Т-34 вздрогнул, остановился. Снаряд задел переднюю броню. Водитель схватился за голову. Лицо было залито кровью. «Командир, где вы? Я ничего не вижу!» — сухо прохрипел он. «Ничего, потерпи! Я буду твоими глазами» — отозвался Тарасов.

Танк тронулся. Впереди злобно рычал, раскидывая землю, «тигр». «Чуть правее, теперь левее, выше, — командовал Тарасов, — Огонь!» Снаряд взбугрил землю. «Чёрт!» — выругался Петренко. Повторный выстрел снова не принёс результата. Танк снова трянуло. Двигатель вспыхнул. «Горим!» — выкрикнул Гусев.

Бойцы выбрались из танка. Воздух буквально раскалился. Горело всё: земля, железо, люди. «Тигр» ринулся на них. Тарасов схватил ручную гранату, замахнулся, — «тигр» запылялся. Послышалась автоматная очередь. Петренко, до того лежавший на земле, схватился за живот. Глаза его расширились, алой змейкой брызнула изо рта горячая кровь.

Тарасов подскочил к нему. «Командир, сзади!» — прошептал механик и замолчал, глаза его застыли в немом ужасе. Он обернулся. Фриц направил на него дуло автомата. «Hande hoch!» — прохрипел он. Тарасов огляделся. Кроме него жив остался только Гусев. Он рванулся вперед. Немец нажал курок. Засвистел автомат. Пуля прошила плечо. Затем сильная боль в затылке и темнота.

Очнулся Тарасов в какой-то грязной военной палатке. Рядом лежал Гусев. Вошёл какой-то немец: «Ах, ви ест проснулись. Хороше!». Он позвал своего генерала. Тот вошел, плюнул в сторону пленников: «Ви мне ест рассказывать планы ваш командование, иначе мы вас пиф-паф». Он мерзко рассмеялся. «Мы не будем говорить!» — прохрипел Тарасов. «Вот как!» — возмутился генерал. Он подошёл к Гусеву, приставил пистолет к его коленке и выстрелил. «Ви будет говорит?» — закричал он и прострелил вторую. Тарасов отвернулся. Он не мог на это смотреть. Гусев затряс головой в знак согласия.

Тарасов вспомнил, что у него есть нож за голенищем сапога. «Прости, друг, но ты должен замолчать, иначе все

пропало!» — подумал он и медленно, не привлекая внимания, достал нож. «Командование планирует осуществить переброску сил в районе» — нож Тарасова вошёл в грудь Гусева. Тарасов рванулся к двери. Застывшие от неожиданности немцы отпрянули. Он летел, сломя голову. Главной целью был лес. Острая боль пронзила кисть. Но воля к свободе была сильнее. Сзади слышалось: «Нье стрелять! Он нюжен мне живым!».

Тарасов бежал. Вдруг земля ушла из-под ног, уши заложило, на несколько минут он оглох. Обернулся, хотел осмотреться. Ноги не было. Вокруг бедра лужа крови. «Минное поле!» — ужаснулся он.

Сзади слышались новые взрывы. Немцы топтались на месте, боясь идти вперед. «Нет, я вам не достанусь!» — прохрипел боец и пополз дальше. Время для него замерло. Он полз час или два, пока не потерял сознание. Вдали завиднелась деревня.

*Яна СБИТНЕВА, 13 лет
с. Русская Халань,
Чернянский район*

Если я не вернусь...

На высоком откосе шумит ветер. И нет такого путника, который бы не подошел к памятнику у дороги, не постоял у гранитных плит, на которых — фотографии погибших на фронтах Великой Отечественной войны. 486 человек ушло из нашего села Русская Халань на фронт. Участвовали они и в боях на Курской дуге. Не вернулись 240. Среди снимков на памятной стеле — фотографии братьев Сбитневых — Василия и Фёдора.

Они ушли на защиту Родины в самом начале войны. Письма от Василия были короткие — одна тетрадная страничка. Он писал, что всё хорошо, что кормят вдоволь, сапоги и одежда крепкие, а о службе, о делах на фронте писал скупно, стараясь оградить родных от ужасов войны.

Молодая жена Василия, Дарья, это понимала. На всю жизнь запомнила она слова мужа: «Дарья, если я не вернусь, то передай сыну, что я жил и трудился честно и погиб, защищая свою Родину. Воспитай его достойно. Пусть он станет честным и храбрым воином». Как приходили похоронки в село, как голосили женщины по избам — Дарья Сафроновна помнит и сейчас.

А Василий и Фёдор пропали без вести. Перестали приходить в село от солдат Сбитневых солдатские треугольники. Не стало у маленького Вани отца и дяди. Где оборвалась их жизнь, в каких боях, при каких обстоятельствах — про это никто до сих пор не знает. Словно истаяли русские солдаты без следа, без остатка в огне войны.

Шли годы. Рос маленький Ваня. Он ничем не выделялся среди сверстников. Те же игры, те же увлечения, что и у детворы его возраста и его времени. Мальчик и сам не заметил, как от первых книг с рассказами о море, морских и военных приключениях он пришёл к решению стать военным моряком.

Заповедь-наказ мужа Дарья Сафроновна выполнила до конца. Она воспитала настоящего защитника Родины — Иван Васильевич Сбитнев окончил военно-морское училище и тридцать лет охранял водные границы страны. Сейчас он — капитан второго ранга в отставке, живёт в Хабаровске.

А Дарья Сафроновна по-прежнему живёт в нашем селе. Она — ветеран труда. Награждена медалью «Отличник социалистического сельского хозяйства» и юбилейной медалью «50 лет Победы». На днях получила очередное письмо от сына.

Мы часто ходим в гости к Дарье Сафроновне, и она, прощаясь с нами, ласково говорит: «Не проходите, ребята, мимо братской могилы, положите цветы. Может, где-то кто-то так же положит цветы на могилу моего Васи».

*Марина КОРОТКИХ, 11 лет
с. Прилепы,
Красногвардейский район*

Односельчанин-воин

Есть в нашем селе один очень интересный человек, это Коротких Григорий Стефанович. Он прошёл войну, участвовал в битве под Москвой, под Киевом, сражался на Курской дуге.

Забрали служить его совсем ещё мальчишкой. Направили учиться в военное училище под Рыльском. Однажды, когда в саду училища Григорий стрелял по воробьям, мимо проехала машина, в которой сидел генерал Ватутин. Он остановился и спросил у солдата: «Ты кто такой?» Григорий отрапортовал и очень испугался, что Ватутин доложит об этом командиру. А через два месяца он попал на Курскую дугу.

Григория Стефановича назначили командиром расчета. Он командовал девятью пулеметчиками. Всех солдат в бою убило, остался только он. Майор назначил Григория Стефановича командиром батальона. В 1943 году в бою он лишился глаза, получил ранение в ногу. Был отправлен в Воронежский госпиталь, перенёс сложную операцию. После шести месяцев больничной койки Григорий Стефанович вернулся домой инвалидом. А в 1947 году героя нашла заслуженная награда. Он был награждён медалью «За отвагу».

Среди наших односельчан есть ещё трое, которые призывались вместе с Григорием Стефановичем, но из всех выжил только он.

Ему и другим солдатам войны я посвятила эти строки:

*Пускай имена их
Тебе неизвестны,
Но почести они
Заслужили по праву, —*

*Стояли здесь насмерть —
И храбро, и честно,
И вечный огонь им,
И вечная слава.*

В живых осталось совсем мало людей, которые служат нам живыми легендами о тех страшных событиях. Вот и в нашем селе уже на пальцах можно пересчитать участников Великой Отечественной войны.

*Наталья СТЕПАНОВА, 11 лет
г. Белгород*

Живёт на земле человек

Живёт со мной по соседству обычный человек. Нет в нем ничего примечательного. Разве что награды, которые он надевает раз в году — в День Победы, говорят о его прошлом.

...В комнате тишина. Наверное, такой она была в минуты затишья на фронте. Озорной ветерок врывается в открытые двери балкона и прячется в складках штор на окнах. Солнечные зайчики забавно играют в пятнашки. Я разговариваю со своим соседом Ехилевским Абрамом Львовичем. Он участник Великой Отечественной войны и Курской битвы.

— Родом я из белорусского города Полоцка. Закончив в Ташкенте курсы комбайнеров, получил «бронь», но настаивал, чтобы отправили на фронт. И вот 27 августа 1942 года меня направили в военно-пехотное училище имени Ленина в город Ташкент. В декабре 1942 года, после трех месяцев учёбы, пришел приказ — кто хочет добровольно, не закончив училище, идти на фронт. Многие сделали шаг вперед на построении, в том числе и я.

В январе 1943 года я попал на Белорусский фронт в 129-ю стрелковую дивизию, в 287-й отдельный истребительный противотанковый дивизион. Я был наводчиком, командиром орудия, химинструктором, начальником ра-

диостанции. Войну начал в звании сержанта, а закончил старшим лейтенантом.

Помню свой первый бой. Это было в Мценском районе Орловской области. Утреннюю тишину нарушил вой снарядов — фашисты начали артподготовку. Потом почернело, загудело небо — десятки, сотни самолетов летели низко над землей, сбрасывая тысячи бомб. Воздух наполнился воем, свистом, громом разорвавшихся снарядов. Задрожала земля — пошли в атаку немецкие танки. Много моих товарищей полегло. За этот бой я получил свою первую награду — медаль.

Со мной воевали узбеки, грузины, украинцы, белорусы, татары. Мы жили очень дружно, одной семьей. Однажды, это было в деревне Ситухи в 1944 году, произошел такой случай. Мы шли в баню, как вдруг немцы начали обстрел. Моего товарища Ахмеда ранило — раздробило коленную чашечку. Я ползком дотащил его до санчасти. Ахмеда спасли. А через несколько месяцев стали приходить посылки из Ташкента, Самарканда, адресованные мне. Это была благодарность земляков Ахмеда.

Я был участником встречи союзных армий на Эльбе — вспоминает Абрам Львович. — 8 мая 1945 года в городе Бурге мы встречали 200 американских солдат. В кинотеатре показали фильм «Малахов курган». Американские солдаты смотрели его со слезами на глазах. Московские артисты показали концерт, а затем был банкет. Все было торжественно, интересно, по-доброму.

Абрам Львович показал свои медали: «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», орден Отечественной войны и самую главную награду солдата — медаль «За отвагу», полученную в 1945 году за взятие Кенигсберга.

Живет со мной по соседству обычный человек. Нет в нём ничего примечательного. Разве что награды, которые он надевает раз в году — в День Победы, говорят о его героическом прошлом.

*Денис ЧЕРНУХИН, 9 лет
с. Призначное,
Прохоровский район*

Мой прадедушка

Я не видел своего прадедушки, но у нас дома бережно хранятся его фотографии и письма с фронта, а из рассказов моей бабушки я знаю всё о его жизни и героической смерти во время Великой Отечественной войны.

Чернухин Роман Петрович родился в 1912 году в селе Камышевка. Семья жила очень бедно, ведь кроме прадедушки было ещё пятеро детей, поэтому ему с раннего детства пришлось трудиться: пасти гусей и коров, работать в поле вместе с родителями. Уступая горячим просьбам сына, родители отпустили его учиться в школе, несмотря на то, что он нужен был дома, чтобы помогать по хозяйству и нянчить младших братьев и сестёр.

Учился в Сагайдаченской школе. Ходить приходилось каждый день около шести километров туда и обратно; потом учился в Радьковской школе, которую закончил с отличием в 1931 году. Поступил в Курский учительский институт, в котором Роман получил диплом учителя физики и математики.

После окончания учёбы он пошёл служить в Красную Армию. Служил в пехоте. Ему было присвоено звание лейтенанта. После службы прадедушка возвращается на родину, и в 1936 году становится учителем в Александровской средней школе, ныне Прохоровская гимназия. Здесь он знакомится с учительницей начальных классов Домной Михайловной и женится на ней.

Когда началась Великая Отечественная война, у Чернухиных было уже двое детей: Витя и Женя. У нас дома есть фотография, на которой мой прадедушка уже в военной форме, а рядом с ним прабабушка с детьми. Они сняты в день ухода на войну. Одна фотография осталась дома, а вторую солдат взял на фронт, чтобы всегда видеть лица родных, помнить, что он защищает их, а, значит, и свою Родину.

Когда 22 июня 1941 года объявили о начале войны, Роман, не дождавшись повестки, пошёл в военкомат. Он просил, чтобы его добровольцем отправили на фронт, но его оставили для работы в военкомате города Белгорода. С самого первого дня работы в военкомате он писал просьбы командованию об отправке на фронт, даже, как рассказывает моя бабушка, ему за это объявили выговор и сказали, что и в тылу нужны люди. Но и это не смогло остановить моего прадедушку, и в августе того же года его отправили на фронт командиром стрелковой роты. Как раз этот момент и запечатлела фотография из нашего семейного альбома. Этой фотографии предстояло стать последней, на которой изображён мой прадедушка. Он пропал без вести в ноябре 1941 года в боях за старинный русский город Смоленск. Осталось еще несколько писем, в которых он рассказывает о своей службе и товарищах, о боях, в которых побывал, успокаивает прабабушку, что будет всё хорошо.

Я с трепетом и гордостью беру благодарственное письмо командования к родным, с горечью держу в руках похоронку, в которой говорится, что гвардии лейтенант Чернухин Роман Петрович пропал без вести в боях за Родину в ноябре 1941 года под Смоленском. Моя прабабушка ещё долгие годы писала письма в архив Министерства обороны, надеясь узнать о муже. Она до самой своей смерти ждала, что он вернётся.

Пусть мой прадедушка провоевал немного и не имеет наград, но он делал всё что мог для защиты своей Родины и отдал ради неё самое ценное, что у него было — свою жизнь.

*Светлана КРАВЧЕНКО, 17 лет
г. Белгород*

Юность под свинцовым дождём

Он родился в Белгороде, ушёл воевать из родного города, здесь живёт и сейчас. Война вовлекла Егора Александровича Агаркова в свой «круговорот» в сорок третьем. Под Воронежем он принял боевое крещение. Тогда Егору не было и

восемнадцать лет, так что почти всю свою юность он прожил под свинцовым дождём.

«Два с половиной месяца затяжных боёв — освобождали Старый Оскол, Прохоровку, Курск, — рассказывает Егор Александрович. — Наверное, слышали про тот ад, который царил на Прохоровском поле: не видно было ничего, земля горела. Танки сметали всё на своём пути.

Потом держали оборону на шоссе под Обоянью. Ещё не окопались как следует, а немцы перешли в наступление. Один танк пер прямо на меня. Сейчас, — думаю, раздавит, и всё... А в стороне кукуруза была. Я бросился в неё, но фрицы меня заметили, скосили огнём кукурузные стебли. И всё-таки удалось спастись. А снаряд одной из наших пушек попал прямо в бензобак танка, и он загорелся.

Из машины выскочили три немца, побежали прямо на меня. Я их из автомата расстрелял, а сам думаю: «Если бы остался в окопчике, меня бы уже не было».

Наша седьмая гвардейская армия была прорывная, то есть её бросали на разные направления: туда, где было тяжелее. Пошли с боями дальше, громили Корсунь-Шевченковскую группировку противника. Небольшой части врагов удалось вырваться из окружения, остальных мы уничтожили. Дальше пошли по Украине. Предстояло форсировать Днепр. На понтонах переправляли танки и тяжелую артиллерию, а остальные войска вынуждены были переправляться подручными плавсредствами: сооружать плоты, находить лодки или плетни.

Мы, дождавшись ночи, спустили на воду плот-плетень, поставили на него пулемет, погрузились. Вёсел не было — гребли палками. А немецкая артиллерия бьёт, река кипит, то и дело нас накрывает высокими волнами. Из-за прожекторов, которыми немцы освещали реку, светло было, как днем. Когда до берега оставалось уже метров десять, плот перевернулся. А мы ведь были в полном обмундировании, которое тянуло ко дну. Но я вдруг почувствовал опору под ногой: уже не было так глубоко. Накрыло волной, но всё-

таки удавалось глотнуть воздуха. Уже на берегу в пылу боя получил контузию и попал в медсанбат.

После выздоровления — снова на фронт. Освобождали Белую Церковь, Житомир, Днепропетровск, Винницу, потом Бессарабию, Румынию, Венгрию, Австрию...

Взяли рейхстаг, водрузили знамя. На здании рейхстага все расписывались. А я чуть опоздал, и внизу на колоннах не осталось места для моей росписи. Но на помощь пришёл высокий солдат-украинец. Я забрался ему на спину и расписался».

Уже после Победы Егор Агарков воевал в Праге, добивал врага в Курляндии. Вот сколько испытаний выпало на долю нашего земляка! Демобилизовался он в 1951 году, отдав защите Родины восемь с половиной лет. Потом более полувека работал. Сейчас, конечно же, на заслуженном отдыхе.

Когда я разговаривала с ветераном, то всё время думала: какими же сильными и мужественными были эти люди, перенесшие все тяготы войны и сегодня остающиеся жизнерадостными, не жалующимися на свою судьбу!

*Ольга ГРИГОРОВА, 13 лет
п. Октябрьский,
Белгородский район*

Так были спасены дети

О событиях далёких военных лет мне поведала моя бабушка Ольга Ильинична Истомина.

1943 год. Линию фронта определяла небольшая речушка Лещинка, что протекает недалеко от Курска. На её левой стороне залегли фашисты, на правой — наши бойцы.

Видно было, как немцы жгли дома. Обезумевшие жители села Субботино, а это были старики, женщины, дети, бежали в сторону реки, чтобы попасть к своим. Они по колено проваливались в снег, а те, которые были уже на реке, скользили, падали и снова поднимались. Пули врагов догоняли беглецов.

Стрельба не прекращалась ни на минуту. Но что это? Мгновенная тишина насторожила наших солдат. Они увидели женщину, которая что-то бережно несла в руках, стараясь двигаться быстрее к реке. Со стороны немцев снова раздались выстрелы. Женщина уже на льду. Ее ноги скользили, и теперь все отчетливо увидели, что, прикрывая собой, женщина несла двух маленьких детей.

Вот она уже на середине реки. И вдруг женщина стала медленно падать на лед.

С нашей стороны несколько солдат под пулями, ползком, без приказа командира направились к месту, где лежала женщина.

Только одному бойцу удалось достичь цели. Приблизившись, он услышал плач. А женщина была мертва. Детям было месяцев по девять. Они ползали рядом и окоченевшими от мороза ручонками теребили мать за волосы и платок.

Солдат, прикрываемый огнём товарищей, доставил драгоценный «груз» в часть. Так были спасены дети.

Сейчас у спасённых наверняка есть свои дети, а то и внуки, и они рассказывают молодому поколению о тех страшных годах войны.

*Дмитрий ЛИКАРЧУК, 16 лет
п. Прохоровка,
Прохоровский район*

Ты же выжил, солдат!..

Так заведено на фронте. После ожесточённых боёв наступает затишье, и оставшиеся в живых спешат разыскать тех, кто погиб, обнажают головы и стоят в раздумье. Ещё недавно были живы эти дорогие, близкие люди, твои товарищи, теперь же ты стоишь над ними живой, а они не встанут, не будут шутить, не будут радоваться солнцу, которое сегодня, как назло, так весело светит.

Они уже были на подступах к Варшаве, взяли небольшую деревеньку ценой многих жизней.

Здесь и убит был Василий. Это ему солдаты копают могилу. Они победили, всё быстрее движутся на Запад. Но им горько от того, что война берёт вот таких чудесных людей, каким был их старшина...

И вдруг появляется на своей тачанке ездовой Ахмед Зарипов. Он уже не молод, ему около пятидесяти лет, а держится бодро, всегда весёлый.

— Чего приуныли? Кого это думаете закапывать?

Бойцы молчат.

— Старшина убит? Не может быть! Кладите ко мне, мы его отвезем, на более видном месте схороним!

И, не ожидая согласия товарищей, старый солдат осторожно берёт старшину и кладёт на тачанку.

Ездовой помчался вперёд. Ему навстречу шла санитарный фельдшер Шура. Она увидела на тачанке тело старшины и по привычке попробовала пульс... Откуда-то из глубины тела почувствовался слабый-слабый толчок. Сначала она подумала, что ей только так показалось, а показалось потому, что она привыкла чувствовать эти радующие душу толчки, говорящие о том, что сердце всё-таки бьётся.

Шура ещё и ещё пробовала пульс и вдруг поняла: он жив!!!

Медсестра сказала об этом Ахмеду Зарипову. А Ахмед будто и не сомневался, что Василий жив, засмеялся: «А я и не думал, что мёртвого везу. Старшина не должен умереть, будет жить, долго жить». Татарский акцент придавал его словам ещё большую весёлость.

Ожившего солдата увезли в госпиталь. Оправившись от тяжёлой контузии, он вернулся к своим в полк, дошёл с ними до победного конца, был удостоен трёх медалей и ордена, был дважды ранен и, как ни приходилось трудно, верил, что будет жить, что вернётся домой, в своё родное село, к жене Татьяне и любимым детям, Славке и Леночке.

Он знал и всегда думал, что жизнь сильнее смерти. И был уверен, что нет ничего дороже дружбы солдатской, ещё крепче полюбил своего ездового Зарипова, а когда наступил

час расставанья с фронтовыми друзьями, Василий сказал товарищу:

— Спасибо тебе, Ахмед!

— За что, старшина?

— А за то, что не поверил в мою смерть! Это ты её прогнал! И теперь я знаю, что долго буду жить!

После победы Ахмед вернулся в свою родную Татарию, а Василий — домой, в село, к самой мирной, но самой высокой профессии Учителя. Много лет учил он ребят тому, как любить свою Родину. И если предавался воспоминаниям, то больше говорил о друзьях, с которыми шёл по дорогам войны.

Этот рассказ — не литературный вымысел. Всё написанное мной — подлинная правда о нашем земляке из села Верхняя Ольшанка Масалове Василии Яковлевиче, замечательном Человеке, Воине, Учителе. О нём мне поведал его ученик, мой папа Ликарчук Евгений Викторович. Он с гордостью говорил о своём добром и скромном учителе, который вместе с ними, мальчишками и девчонками, мастерил поделки, ходил в походы, пел военные песни, играл в «Зарницу».

Мой отец, достойно отслужив в армии, избрал, как и его учитель, мирную профессию. Он музыкант. Любимые его песни — о войне, а одна из самых любимых — «Песня о солдате», в которой есть такие слова:

Ты же выжил, солдат, хоть сто раз умирал,

Хоть друзей хоронил и хоть насмерть стоял.

Почему же ты замер, на сердце ладонь,

А в глазах, как в ручьях, отразился огонь?

Да, ты же выжил, солдат!.. И вечно будешь жить в памяти моего отца, моей памяти, памяти моих детей и внуков.

Я обещаю.

*Юлия СЕРГЕЕВА, 14 лет
с. Сафоновка,
Ивнянский район*

Маша

В селе Орловка стоит памятник Герою Советского Союза Маше Боровиченко. Нет уже в живых Нины Николаевны Ореховой — жительницы этого села, на квартире у которой в далеком 1943 году стояла Маша Боровиченко, но рассказ ее сохранился:

«Мартовской ночью в 1943 году, когда из нашего села выбили немцев, я услышала негромкий стук в дверь. Заколотилось сердце: может снова немцы нагрянули? Вышла в сенцы и спросила: «Кто там?». «Откройте, мамаша, мы свои», — услышала девичий голос, звонкий и чистый.

Обрадовалась: наконец-то, пришли наши, русские! Как долго мы ждали их! Как тяжело нам было терпеть издевательства фашистов!

Заходят в хату восемь наших солдат, девятая девушка, тоже в солдатской форме, в шинели с погонами, в шапке с красной звездочкой.

— Может, свет зажечь? — спрашиваю.

— Нельзя: вражеский самолет может заметить и бомбы сбросить, — ласково ответила девушка. Тут мы и познакомились. Ее звали Маша Боровиченко, была она санитаркой.

Всю весну и лето стояла дивчина у меня на квартире. Помню, страшно любила книги читать. Чуть свободная минута — Маша за книгу. А время было трудное. Продуктов — шаром покати. И Маша помогала нам, чем могла. Приносила соль, хлеб, крупу. Нас тогда было пятеро в семье. Сколько раз я ее благодарила за продукты, а она улыбнется и отвечает: «Пока я здесь буду — не пропадете с голоду».

Мы с Машей Боровиченко жили очень дружно. Полюбили ее как свою, родную. Веселая была украинка, жизнерадостная.

А летом разразились страшные бои. Маша к ночи приходила грязная, усталая. Но никогда не унывала. Все улыба-

лась. Однажды перед обедом приходят солдаты, платочками вытираются и сообщают: Машу убило.

А погибла Маша так. 13 июля 1943 года у Орловки фашистские танки атаковали позиции взвода лейтенанта Корниленко. Несколько вражеских машин остались гореть черными факелами. Маша вытащила с поля боя четырех раненых и вернулась за пятым — Корниенко. Девушка с трудом тащила отяжелевшее тело лейтенанта. Остановившись передохнуть, она увидела несущийся на нее танк. Маша метнула гранату и упала, прикрыв своим телом лейтенанта. В тот же миг осколком снаряда Маша была убита. Лейтенант остался жив.

Плакали мы, словно дочь родную потеряли. Решили похоронить её под берёзкой. Бережно разложили плащ-палатку, по краям положили двух погибших солдат, а в середине — милую Машу. Над могилкой поставили дощатый памятник и написали имена всех троих.

Когда в нашей Орловке проходило перезахоронение, открыли могилу и останки перенесли в центр села, где сейчас возвышается памятник Маше Бровиченко. Я-то хорошо ее живую помню. Очень похожа на памятнике».

*Наталья ЧЕРНОВА, 14 лет
с. Мощеное,
Яковлевский район*

Огромное небо одно на двоих

Сентябрь 1941 года. Враг продвигается в глубь страны.

Колонна машин, мотоциклов, солдат въехала в село Мощеное. Жители с ненавистью смотрят на непрошенных гостей. Дед Макар, кряхтя, опираясь на клюку, выходит посмотреть на «гостей». Под густыми взъерошенными бровями смотрят ещё зоркие глаза. Он все примечает.

— Да, сытые, обутые, одетые немцы. А вот давеча наши отступали! Голодные, грязные, кое-как одетые, — думает дед. — А всё-таки должны мы победить, потому как крепки и сильны духом наши ребята.

Не понравилась немцам ветхая изба деда Макара, стоявшая на краю села, поехали они дальше. Село раскинулось километра на три, окружённое лесом, словно подковой. Вдруг дед услышал гул самолетов, выскочил за калитку дома. В воздухе шел бой.

— Ах, стервятники, напали на нашего, — зло прошептал дед. — Смотрите, смотрите, ребята, в хвост заходит! — подняв клюку кверху, кричит дед, как будто его могут услышать.

Но самолет с красной звездой горит, а из него выпрыгнули два парашютиста.

— Ничего, ребятки, ничего!.. Только бы приземлились.

Обдав деда пылью, пронеслись мимо немецкие машина и мотоциклы. А летчики уже освободились от парашютных строп, но не было времени уйти от погони. Дед Макар видел, как бежали к ним немцы с автоматами в руках. Послышались глухие выстрелы из пистолетов.

Через десять минут машина и мотоциклы мчались обратно в село. Дед Макар заковылял к тому месту, где приземлились парашютисты. Они лежали на траве. Не захотели ребята попасть в плен к фашистам, застрелились. Никаких документов при них не было. Но дед нашел валявшееся рядом письмо, адресованное в Москву. Его писал своей девушке один из погибших летчиков Иван Боровиков.

«Сейчас мы вылетаем с Женей в новый бой», — писал Ваня.

Да, это был последний бой Ивана Боровикова. Поздно вечером тела летчиков были захоронены делом Макаром, его дочерью и соседями на сельском кладбище, находящемся неподалеку. Дед смастерил крест, поставил его на могилу доблестных сыновей Родины.

Через два года письмо переслали в Москву с допиской, где похоронен Иван Боровиков и его друг Женя. А дед часто хаживал на могилку летчиков. Сельчане поставили на ней памятник со звездой. Ярко горит она, освещая погибшим героям путь в вечность.

*Екатерина ГАЛУЦКИХ, 12 лет
с. Сагайдачное,
Прохоровский район*

Ночной пожар

(рассказ)

Был суровый февраль. Морозы еще не убавили своей силы, трещали по вешкам деревьев, залезали в дома, студили кровь деревенских ребятишек. В трубах вьюжило, в поле поднималась поземка.

На улицу выходить не хотелось. Коля и Ваня высунули нос из-за дверей своей ветхой хатёнки — на улице никого. Там теперь редко кого можно было увидеть. Разве что пробежит какая-нибудь тетенька, похожая на старушку, к колодцу и обратно. В хате тоже не усидишь: холодно и голодно.

К вечеру ребята решили выйти на улицу.

— Пойдем к Михайлюковым, они соломой топят, погреемся, — сказал Колька, который сильно замерзал.

Одежда его обветшала, и к тому же стала малой. Подрос мальчишка за три года, три года страха и горя, три года голода, три года войны.

Ванька был старше на два года. Мать отдала ему отцовскую куртку на ватной подкладке, отцовские валенки. Ему было теплей. Но он не жадный — погреемся и отдаст Кольке.

А на ночь мать всегда топила соломой, и воздух в хате становился теплее и ласковее. Ребята, не снимая одежды, прятались под старое лоскутное одеяло и засыпали.

У Михайлюковых сидела бабка Надюха. Она перекрестилась и сказала:

— Дай бог им помощи! Соколики наши. А эти ироды, скоты, нехай проваливаются в свою Германию.

— Сколько нашей кровушки они выпили, — подхватила Митькина мать.

Митька с печи позвал ребят к себе. Почти шепотом он сказал:

— Слыхали, немцы драпают, а наша Красная Армия набирает силу, готовит страшный удар.

— Откуда ты знаешь? — спросил Ванька.

— Сын тетки Надюхи в штабе работает, вот и прислал весточку.

Колька и Ванька долго не задержались у Михайлюковых, решили разнести эту весть поскорее по селу.

Набегались к ночи, спали хорошо. Утром мать их не пустила на улицу:

— Тихо вы, говорите тише, немцы в деревне.

Вот вам и Митькины небылицы — подумали ребята.

— Мам, а как же это? Ведь сказали, что драпают.

— Дядя Семен приходил, говорит:

— Гонят немцы военнопленных с собой. Пригнали к нам. В школе закрыли. Охраняют.

В Гусек-Погореловку немцы вошли ночью. В здании школы в центре села они заперли пленных. Сами остановились на ночлег в ближних домах

Утром к школе стал стекаться народ. Из окон выглядывали бойцы, многие из них были уроженцами здешних мест. А теперь они пленные.

— Что ж вы их не накормите? Сами ночью налопались, а вот они совсем голодные, — завопила тетка Надюха.

— Отойди, бабка — оттолкнул ее немецкий солдат — Есть еда — неси, корми, все равно им скоро умирать.

Люди разбежались по домам, возвращались кто с чем. Несли куски хлеба, картошку, квашеные огурцы — у кого что было.

Колька и Ванька целый день дома просидели, мать их так и не выпустила:

— Сидите, окаянные, а то еще и вас запрут.

Мать не выходила тоже, новости приносил дед Семен:

— Стоят. Ночевать опять, наверное, будут.

К вечеру фрицы забегали, зашевелились, пригнали машину с соломой, заставили пленных обложить ею школу.

Из местного населения уже никто не подходил, но все наблюдали за этим из окон домов. В хатах не топились, не жглись даже лучины. Все боялись.

Немцы заперли двери, окна, затем, облив стены бензином, подожгли школу. Она вспыхнула ярким пламенем в ночной мгле. Узники начали выбивать окна, выпрыгивать наружу, но их встречали автоматные очереди.

Все село застонало. Этой ночью никто не спал. Немцы ушли на рассвете.

Утром Колька и Ванька побежали на место пожара. Школы не было, не было и пленных. Пахло дымом, вокруг валялись обгорелые трупы.

Сзади Ваньки завывала тетка Надюха.

— Ироды, окаянные, у-у-у. Что же они наделали?

Ваньке стало страшно, он побежал домой. Мальчик упал в снег, но даже не почувствовал, что снег холодный.

Долго лежал, плакал. А мороз ходил рядом, трещал, кусал за щеки и за нос.

Шел февраль 1943 года.

*Алексей КРИВОНОС, 11 лет
п. Яковлево,
Яковлевский район*

Бабушка Клава

Клавдия Васильевна Ткаченко родилась в мае 1930 года на хуторе Михайловка (сейчас улица Красный Пахарь п. Яковлево). В семье было четверо детей, отец — инвалид детства, всю жизнь проработал в колхозе.

Во время войны родители Клавы приютили еще три семьи, которых оккупанты оставили без жилья. В небольшой хатке жили четырнадцать человек.

Когда началась страшная битва, Клава с другими детьми ухаживала за ранеными бойцами. Было и такое: некоторые умирали у нее на руках.

Вскоре их семья эвакуировалась в Прохоровку, а потом в Старый Оскол. Они попали в самое пекло битвы. Были жестокие обстрелы и бомбардировки, голод, жажда.

После завершения боев семья вернулась на родное пепе-

лице. Тогда же, в августе 1943 года, началась трудовая деятельность бабушки Клавды. Тринадцатилетней пошла работать в колхоз. Как и другие подростки, она чистила ток, скирдовала хлеба, приходилось работать и на молотье, возить зерно на элеватор в Томаровку.

После окончания семилетки в 1949 году Клавдия поступила в фельдшерско-акушерское медицинское училище и потом сорок лет работала в медицине. Она награждена медалями «Ветеран труда», «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». И все они — заслуженные.

*Надежда МИРИНИНА, 14 лет
с. Дунайка,
Грайворонский район*

Свои и чужие

Семьи Колотенко и Дергачёвых объединяло многое: и занятия глав семейств (оба занимались выращиванием шелковицы и разведением тутового шелкопряда), и простой крестьянский быт, и строгая семейная мораль: в семьях никогда не произносили бранных слов и выражений, почитали честность, трудолюбие и принципиальность. И всё же было между ними различие: агроном Степан Иванович Колотенко был убеждённым атеистом, коммунистом во втором поколении, а шелковод Ефим Давыдович Дергачёв, мой прадедущка, никогда ни в какой партии не состоял и верил в Бога.

Дружили семьями. Вместе отмечали праздники, помогали друг другу в крестьянские будни. Жена Степана Ивановича была из горожан, и поэтому многие премудрости сельской жизни она постигала с помощью моей бабушки Дергачевой Анны Васильевны, молодой невестки Ефима Давыдовича. Она учила Валентину Андреевну, как лучше разжечь печь, как посадить огурцы, заквасить капусту, испечь хлеб... А когда родились дети — сын агро-

нома Колотенко и внук Дергачёва — обоих решили назвать одинаково: Владимир.

Дети подрастали, жизнь шла своим чередом.

Война пришла в село сначала сообщением по единственному тогда в селе радиоприёмнику — «тарелке», что висел у здания правления колхоза. Агроном Колотенко на фронт ушёл добровольцем, хотя и имел слабое зрение. Мой прадедушка Ефим был инвалидом детства, ходил с палочкой. Его на фронт не взяли. Степан Колотенко, уходя из села, попросил друга присмотреть за его семьёй, поддержать в трудную минуту. Ефим пообещал...

Потянулись нерадостные дни. Фронт откатывался всё дальше на восток, приближаясь к нашей местности. Однажды все услышали с запада нарастающий гул канонады. Снаряды стали разрываться сначала в окрестностях села, а вскоре и на улицах деревни.

Люди бросились в погреба. Схватив маленького Володю, бежала к погребу и моя бабушка Анна. Прадед же, не обращая никакого внимания на обстрел, заспешил в соседнее село Дорогощь, где жила семья Степана Колотенко. В тот же день он вернулся назад в Мощёное вместе с Валентиной Андреевной и её сыном Володей. И с тех пор стали они жить одной семьёй.

Но немцам стало известно, что в семье Дергачёвых скрываются жена и сын коммуниста Колотенко.

Однажды вечером в дверь постучали. Бабушка тревожно спросила:

— Кто там?

В ответ прозвучала немецкая речь, пересыпанная руганью. Дедушка открыл дверь. На порог шагнул местный житель, служивший полицаем у немцев, женщина-переводчица и группа вооружённых немецких солдат.

Обращаясь к Ефиму Давыдовичу, немец в чине оберлейтенанта хрипло прокричал:

— Ты, старик, что ж это вытворяешь?! Где ты прячешь семью коммуниста? Ты, наверное, и сам партизан?

Потом последовал приказ арестовать Валентину Андреевну с сыном и дедушку. Все в комнате замерли.

И вдруг дедушка шагнул вперёд. Обращаясь к обер-лейтенанту, громко и решительно сказал:

— Это чей-то злой наговор. Эта женщина, её зовут Валентина Андреевна, — моя сестра из Мариуполя, а это её сын, мой племянник Володя.

Немец недоверчиво ухмыльнулся и сказал:

— А это мы сейчас проверим! — И приказал поставить к стене обоих мальчишек. Два Володи сжались у стены в один комочек. Солдатам приказали целиться в эти живые мишени. Дико закричали матери, а дед Ефим твердо сказал:

— Ну, что ж, стрелять — так стреляйте обоих, мне они одинаково жалкие, что внук, что племянник. И, обращаясь к переводчице, попросил:

— вспомните, ведь это вы тогда в сельсовете выписывали «метрики» на моего племянника, когда моя сестра родила его у нас, тут, в деревне.

Переводчица Тамара Дремель, дочь старосты из села Дорогощь, долгим, пристальным взглядом посмотрела на дедушку и ответила:

— Да, точно. Это было в действительности. Это его сестра с сыном.

Все облегчённо вздохнули. Словно камень с плеч свалился.

Незваные гости покинули избу. А дед, обхватив ребят, словно замер, и лишь плечи его мелко-мелко вздрагивали. Все поняли, что он плачет, хотя до этого никто и никогда его плачущим не видел.

Находясь на оккупированной врагом территории, Ефим Давыдович умел сохранить честь и человеческое достоинство. Немцы, остановившиеся на постой в их избе, никогда не решались обидеть невысокого, хромого, но с твёрдым взглядом строгого старика.

Немецкий офицер иногда открывал плоские прямоугольные банки с консервированными сосисками, а, съев их, выбрасывал посуду в окно. Ребята, голодные дети войны, подбирали банки и слизывали вкусный томатный соус. Од-

нажды, увидев это, офицер подозвал ребят, открыл банку и отдал её детям, пояснив при этом деду:

— Я иметь нах хаузе цвай киндер! — И для убедительности показал деду два пальца. И долго-долго смотрел на ребят. Может быть, вспомнил свою Германию, свой дом, своих детей.

Окончилась война. Слава Богу, домой живым возвратился муж Валентины Андреевны, отец Володи Колотенко — Степан Иванович. И ещё долго вместе работали старые друзья, поднимали разрушенное войной хозяйство, ездили в числе белгородской делегации на ВДНХ в Москву.

Семья Колотенко всегда с благодарностью вспоминала этот страшный в их жизни день. И не раз благодарили Бога, что в ту минуту Тамара Дремель, рискуя своей жизнью, спасла двух малышей, а вот дед Ефим никогда не любил говорить об этом.

Володя Колотенко, а потом Владимир Степанович Колотенко, работал в Борисовском районном Совете, а перед пенсией — в Грайворонском РОО методистом. Он и поведал эту историю моей маме, Марининой Елене Федоровне, спросив, как здоровье его тёзки, и попросил передать ему привет.

*Владлена АГАБЕКЯН, 15 лет
г. Белгород*

По следам юных минёров

Недавно мне посчастливилось познакомиться с выпускницей нашей школы Александрой Расторгуевой, и она рассказала о том, как училась в классе, которым руководила учитель русского языка и литературы Людмила Кузьминична Тысячная.

Еще пятиклассниками ребята стали заниматься интересным и благородным делом — собирать материал о бывших юных участниках разминирования.

В 1943 году белгородскую землю освободили от врага, но

до спокойной мирной жизни было ещё далеко: на земле и в земле лежали вражеские «подарки» — мины, невзорвавшиеся бомбы, снаряды, гранаты. Тогда на помощь взрослым пришли отряды шестнадцатилетних мальчишек-минёров, которые, рискуя юной жизнью, изо дня в день выходили на поля смерти. Однажды Людмила Кузьминична прочла в газете заметку об этих пареньках и предложила своим воспитанникам разыскать героев, конечно, уже постаревших и поседевших. Так начались годы поиска.

В разные концы страны полетели письма, написанные детским почерком: в военкоматы, архивы, к минёрам, их родственникам, адреса которых удалось установить. Разными были ответы: радостные и печальные. Школьники собрали немало фотографий, документов, писем, смогли установить полный список личного состава Краснояружского отряда минеров и решили провести с ними встречу. Чтобы как можно больше гостей смогло приехать на нее, ребята взяли на себя и часть денежных расходов. Они, работая дворниками и в теплицах, собрали необходимую сумму денег.

И вот — в мае 1990 года, накануне Дня Победы, в нашей школе собрались почти все бывшие минёры Краснояружского отряда, кто дожил до этого счастливого дня. Тогда же состоялось и открытие памятника четверым парням, погибшим от взрыва в окрестностях села Теробрено Краснояружского района. Ребята тоже были на том торжестве. Памятник этот стоит у местной школы.

До самого выпуска ученики вели летопись малоизвестной страницы Великой Отечественной войны, встречались с бывшими минёрами. Но после, к сожалению, эта работа в нашей школе приостановилась. И только в нынешнем учебном году ученики шестых—восьмых классов как бы приняли эстафету доброго дела от своих предшественников. Под руководством педагога Натальи Владимировны Крисановой они возобновили сбор материалов, и сейчас в школе идет подготовка к встрече с бывшими героями, которых с полным правом можно назвать ветеранами Огненной дуги.

Перелистывая страницы памяти

Задаю себе часто вопрос: что же такое подвиг? Кто способен совершить его? Ответ на него нахожу в жизни тех людей, которые прошли дорогами войны, сражаясь на передовой, которые, живя в оккупации, вели борьбу с врагом, которые ковали победу за станком или в поле. Считаю, что все эти Иваны да Марьи, вынесшие великую войну, выигравшие ее, совершили действительно подвиг, показав при этом стойкость, мужество и героизм как на фронте, так и в тылу. Об этом надо всегда помнить, об этих людях нужно рассказывать. Низкий поклон всем, кого уже нет в живых, сердечные слова благодарности и уважения тем, кто, к счастью, еще рядом с нами.

Я хочу поведать о своей бабушке Тишанской Зинаиде Семёновне, которая живет в Ютановке. Она в лихую годину, будучи еще девчонкой, испытала на себе весь кошмар военных лет. Правда, бабушка нам, своим внукам, почти ничего не рассказывает о том времени, стараясь оградить, защитить нас от такой беды.

Когда началась война, бабушке исполнилось 16 лет. Это возраст, когда столько надежд, столько мечтаний! Но война распорядилась по-своему. С первых её дней бабушка вместе с другими работала в поле, рыла окопы. Она вспоминает, как рядом с селом Фоцеватово был аэродром. Там в течение месяца она и сотни молодых и пожилых людей от зари до зари копали стоянки под самолёты. Работа была трудная, болели руки, ноги. Короткая ночь, проведенная прямо под открытым небом у хутора Пыточный, едва успевала давать силу для нового дня. Сколько же земли было перелопачено там! А потом копали окопы в Волоконовке, в Верхней Александровке. И все это делали в основном девушки, мальчишки, женщины. А на передовой сражались

с врагом их мужья, братья, сыновья. У каждого была своя линия фронта.

Смотрю на бабушку, думаю, как эта хрупкая женщина, а тогда еще девочка, могла вынести всё это? Я пробую представить себе, что бы делал я, оказавшись там тогда. Честно скажу, что это нелегко: моё поколение ведь не знает тягот, лишений. Но в то же время, я уверена, что за нас старшему поколению не было бы стыдно.

Бабушка помнит, как под Погромцем дрожала земля от гула немецких самолетов. Они, словно черная туча, по 10—15 штук, надрывно гудя, проходили над головой и, казалось, упадут сейчас на тех, кто рыл окопы.

Когда объявили мобилизацию на строительство железной дороги Старый Оскол—Ржава, бабушку вместе с другими колхозниками направили туда. Она вспоминает: «Нас была целая бригада, в которую входили мои подруги: Оглоблина Надежда, Герасименко Елизавета, Гадецкая Татьяна из Нижних Лубянок, ютановские Горобец Ольга, Горбатенко Надежда, Стоколясова Лиза и другие.

Расквартировались мы в селе Кандауровка, жили в сараях, спали на соломе, по очереди варили себе еду. Она была скудной, все время чувствовали голод. Труд же был адский. В руках лопата, носилки, тачка, средств механизации никаких. Очень тяжело приходилось, когда грунт надо было поднимать на семиметровую высоту. А наш руководитель Николай Иванович, фамилию, к сожалению, не помню, все время беспокоился за нас и говорил: «Девчата, берегите себя, ведь вам еще солдат рожать».

Работали весь световой день. Дисциплина была военная, никаких отговорок не принималось, но никто и не увиливал, все понимали важность выполняемой для фронта работы. Строительство подвергалось налетам немецкой авиации, нас обстреливали из пулемётов, сбрасывали бомбы. Мы бежали кто в ближние кусты, кто лежал тут же, под насыпью. К счастью, жертв среди строителей было немного. Но открытия железной дороги я не видела, потому что заболела, руку натерла так, что она, покраснев до локтя, распухла.

Вместе с другими больными я пришла домой. Родные с трудом вылечили меня».

Перелистывая страницы своей памяти, бабушка всегда волнуется, горько вздыхает. И тогда мы понимаем, почему она так немногословна. Слишком тяжелы воспоминания.

После освобождения Волоконовского района бабушка поступила на работу в швейную мастерскую, а все лето 1944 года она работала на лесоразработках в г. Льгове. Там простыми пилами пилили дубы, березы, рубили сучья, таскали бревна. Женское ли это дело? Но другого выбора не было. Нелегко пришлось и из-за комаров, которых было там тьма-тьмушая. Работали так: двое пилят, а двое других отгоняют этих ненасытных насекомых, которые проникали всюду, кусали так, что на теле не оставалось живого места. Жили впроголодь, одевались во что придется, мечтали о скорейшем возвращении домой и о победе.

К концу лета бабушку свалил страшный тиф. Больную, без сознания, на обочине дороги ее подобрала какие-то люди и на телеге привезли к хозяйке, которая отправила ее потом в больницу. Все посчитали, что она не выживет и отправили домой известие о том, что бабушка умерла.

Родные очень переживали и не могли поверить этому. Но судьбе, видно, было угодно, чтобы бабушка выжила. Когда она пришла в себя, то увидела, что ее девичьей красы, длинной косы, которую она укладывала венцом на голове, не было: ее постригли под мальчика. Как жаль ей было свою косу!

Осенью бабушку выписали из больницы. Но она так была слаба, что две сестры, с которыми бабушка познакомилась в больнице, приютили ее у себя. Она до сих пор благодарна им за сердечность и бескорыстие. Эти женщины, сами испытывая нужду, помогли ей собраться в дорогу, дали немного денег и проводили домой. И вот однажды туманным утром бабушкина мама вышла во двор и не поверила своим глазам: через мост шла ее дочь, повязанная белым платком, прихрамывая на одну ногу и улыбаясь. Сколько было радости и слез, объятий и поцелуев!

В 1947 году бабушка вышла замуж. Вырастила с де-душкой трех дочерей. И везде, где бы она ни работала, отдавала всю себя сполна, добросовестно трудилась до са-мой пенсии.

Считаю, что эти женщины, труженики тыла, совершили настоящий подвиг, подвиг сродни фронтовому. И я всегда буду рассказывать с гордостью своим детям о моей героичес-кой бабушке.

*Анна ЛИТВИНЕНКО, 16 лет
п. Ракитное,
Ракитянский район*

Они спасали раненых

Зимой 1943 года наши войска обороняли Курск. На дальних подступах к нему шли ожесточенные бои с гит-леровцами. В одном из таких сражений, в районе села Вишенное, погибло много бойцов и ещё больше было раненых. Их стали переправлять в Ракитянский район. Так был организован госпиталь в посёлке сахзавода, ак-тивное участие в этом принимала Елизавета Яковлевна Волошина. Она ездила по колхозам и получала продук-ты для раненых.

Учитель истории Елизавета Яковлевна прожила дол-гую интересную жизнь, которую посвятила патриотичес-кому воспитанию молодёжи, и до последнего дня своей жизни не прерывала связи со школой, где преподавала многие годы.

В госпитале работали работники сахзаводской боль-ницы, среди них — медсестра Вера Кузьминична Абрамо-ва, санитарка Мария Ивановна Сафронова. Они стирали бельё, бинты. Большую помощь оказывали раненым Вера Павловна Кривошеева, Нина Ивановна Кетова и другие. Не было никаких лекарств, кроме средств для обработки ран. Солдаты умирали от заражения крови, но многих удалось выходить и поставить на ноги.

Тяжелораненых приходилось отправлять в Старый Оскол в сильный мороз на лошадях. Один из таких обозов сопровождала двадцатилетняя Вера Абрамова, ставшая к тому времени солдатской вдовой. Когда подъехали к Томаровке, их остановил военный патруль и сказал, что дальше ехать нельзя: налетают немецкие самолеты и бомбят, заведя цель. Но обоз рискнул, иначе раненые погибли бы. А самолеты, покружив несколько минут, которые показались вечностью, улетели. Солдат доставили к месту назначения живыми.

Летом начались бои на Курской дуге, и снова территория поселка сахзавода стала госпиталем, который возглавлял майор медицинской службы Вязовский. Раненые поступали в товарных вагонах, их выгрузка производилась на железнодорожном переезде, вблизи улицы Зеленой.

И опять женщины приступили к работе. Они доставляли раненых на руках, носилках и тележках в общежитие завода и школу. На стадионе были поставлены палатки. Женщины старательно и бережно ухаживали за ранеными, готовили их к дальнейшей эвакуации на восток.

Женщины работали с утра до ночи, часто сутками, чтобы оказывать помощь раненым. У многих из них дома оставались маленькие дети фактически без присмотра. Бытовые условия военного времени — острая нехватка продуктов, одежды и обуви, отсутствие света, воды, топлива (а зимы во время войны были суровые и продолжительные), казалось, ставили этих людей на грань выживания. Откуда брались у них силы, выдержка, чтобы выстоять, выжить самим, сохранив своих детей и тех молодых солдатиков, которых выхаживали, возвращая их в боевой строй?

Прошли годы, постарели наши героини. Многие уже ушли в мир иной. Но память обо всём, что было с ними, со страной, должна жить.

И она живет.

*Анастасия ГОНЧАРУК, 16 лет
п. Дубовое,
Белгородский район*

Любовь побеждает

Как-то в один сентябрьский день, когда погода на дворе стояла ненастная, я занялась уборкой бабушкиной комнаты. И я обнаружила одну старинную вещь, шкатулочку. Раньше я никогда не обращала на нее внимания. А тут как что-то мне подсказало, шепнуло: «Посмотри, что там?»

Открываю шкатулку и вижу обветшавшие, пожелтевшие от времени листы бумаги, исписанные неровным почерком, простым химическим карандашом.

Всматриваюсь повнимательнее — письма с фронта. Кому же они адресованы? От кого они? Оказывается, эти письма предназначались моей любимой бабушке от ее любимого человека, мужа, которого она проводила совсем молодым на войну.

Что-то во мне дрогнуло, загорелось, очень уж хотелось узнать, о чем же писали они друг другу, да еще с войны.

С волнением открываю первый лист и читаю: «...Любимая, я недалеко от тебя, даже слышу биение твоего сердца. Понимаю, ты ждешь, ты веришь, что я вернусь, ты хочешь, чтобы я остался жив и невредим. Я в Прохоровке, готовимся к бою»

На мгновение закрываю глаза, и передо мной Прохоровское поле в мае, такое ярко-зеленое, красивое, и много народу, который приезжает сюда на 9 Мая и 12 июля почтить память погибших.

Читаю следующее письмо: «Здравствуй, Нина! Большой пламенный привет с фронта. Благодарю тебя за письмо и фотографию, на которой вы все получились очень хорошо ...Как хочется сейчас с тобой повидаться. Ведь наступило прекрасное время. Посмотришь на природу и не нарадуйешься. Думаешь, разве в такое время воевать? ...С 7 июля не писал тебе. По-прежнему жив и здоров, горячие денеч-

ки, наступившие у нас, не дают возможности заниматься другими делами...»

Передо мной ещё письмо: «20 июля. Последний раз писал две недели назад. Было некогда. Шли упорные бои, и кроме боёв я хотел только одного — спать, спать, спать. Немец продвинулся немного, а сил и техники потерял столько, что захлебнулся, и сегодня положение уже изменилось, — мы продвинулись вперед на 6—7 километров. Немец отступает...»

Прочитав пожелтевшие письма, я поняла, какой тяжёлой была победа. А ещё, что и во время войны солдаты, их жёны и невесты умели ждать, надеяться, верить, любить.

Любовь всё и всегда побеждает!

*Юлия МАРТЫНОВА, 17 лет
г. Белгород*

Заяц... в каске

(И такое было)

Однажды я гостила в селе Становое. Вечером мы сидели с девчонками у костра, который развёл старый пастух. Ему было лет восемьдесят. Он отхлёбывал из алюминиевой кружки вскипевший чай. А потом поведал нам историю. Я её записала.

«Воевал я с первого дня войны в парашютистах.

Однажды утром нам зачитали приказ: нужно было выбить фашистов с одной станции. Надели парашюты. Погрузились в самолёт. К месту высадки подлетели с первыми лучами солнца. Команда: «Прыгай!». Лечу. В первые секунды из головы всё выветрилось, а потом вспомнил про кольцо и дернул. Парашют раскрылся. Стал осматриваться. Туда-сюда головой верчу. Вижу, прямо ко мне летит орел. Огромный. А в когтях у него что-то трепыхается.

А тут выстрелы с земли. Не знаю почему, но стал я каску с головы срывать и, как бы отстраняясь от пуль, выкинул вперед руку. Чувствую, что-то упало в каску. Я не поверил

увиденному: в каске — длинноухий заяц! Кто-то сбил орла, и он выронил зайца из когтей.

Когда приземлился, меня окружили товарищи и долго удивлялись, как это я в воздухе смог зайца поймать.

Косого мы отпустили. Бедолага и убежать-то не хотел. Пришлось подтолкнуть его под пушистый хвостик. А врага со станции мы выбили».

Сергей БЕРЕГОВОЙ
г. Белгород

Во время дождя

(рассказ)

*Моему дедушке—
Михаилу Федоровичу Перкову*

Дедушка и Митя (деда, кстати, тоже звали Митей) шли по узкой просёлочной дороге. Дело было весной, в середине мая. Внук приехал в деревню на выходные.

Свежий ветерок дул в лицо. Пахло пылью, цветами и свободой. А еще дождём.

Дед взглянул на небо. Оно было застлано облаками. Не плотными, вздутыми, а тонкими, порванными. Они быстро, быстро бежали по темно-синему небу.

— Дождь будет, — крикнул дед.

— Сильный? — спросил Митя. Он знал, дед в таких предсказаниях не ошибался никогда.

— Силе-ен, — ответил дед, чуть протянув последний слог. Через некоторое время внук снова спросил:

— А успеем до дому-то?

— Нет, — спокойно ответил дед. — Дойдём до сидушки, там переждём.

Митя обрадовался. Он любил наблюдать дождь, любил его шелест по листьям.

«Сидушкой» в деревне прозвали берёзу. В полуметре от земли дерево делало причудливый изгиб в сторону так, что на нём можно было сидеть. Потом ствол снова поднимался вверх, где и раскинулась крона. А рядом с этой самой «сидушкой» возвышалась ель, которая хорошо укрывала отдыхающих.

Когда дошли до нужного места, чёрная туча уже заволокла небо. Временами из нее выпрыгивали яркие молнии, после чего глухо бил гром. — Бах! Бах-бах!

Природа замерла.

Сели. Дед достал пачку папирос и закурил.

— Здорово, дед! — сказал Митя.

— Куды ж лучше, — отозвался тот. — Ну, как у вас дела там, в городе?

— Да, нормально.

— Учишься?

— Учусь.

— Хорошо?

— Хорошо.

— Молодец!

Дед старался говорить правильнее, «по-городскому».

— Ну и что вы там учите-то?

— Науки, — тяжело вздохнул Митя: до конца учебного года оставалось совсем чуть-чуть.

— Эт какие жа?

— Ну, химию, алгебру, физику... (Митя учился в восьмом классе).

Огромная чёрная туча ползла прямо на них, погромыхая время от времени. Иногда сквозь эту громадину просачивались тонкие лучи солнца.

— А вообще ты скажи мне, — вдруг сказал дед. — Вырастешь ты. Да? Женишься. Диты будут. Тебе их воспитывать придется. Химия тебе поможет?

— Ну, ты, дед, закидываешь.

— Нет, ты мне скажи, — не унимался дед.

— Наверное, не поможет.

— А-а! — довольно протянул дед.

Ба-бах! Гром ударил прямо над головой. Туча совсем затянула небо. Хотя была только середина дня, стемнело и похолодало. Глухо стали падать в пыль дороги толстые холодные капли дождя — Пух-пух!

— Эх. Не тому вас у школи, ребятки, учут, — вздохнул дед. — Не тому.

— А чему это, деда, нас надо учить? — спросил внук.

Тем временем дождь усилился. На сырую землю как из ведра лилась вода. Темный ручей, бурля, тек по дороге, в бурой струе вскакивали, стремительно раздуваясь, и мгновенно лопались пузыри. Но на путников вода не попадала.

— Жизни, Митька, жизни, — прохрипел дед.

— Будто бы тебя ей учили.

— А что меня учить? Я пять классов кончил и хорошо! Четырнадцать лет мне было. Родителям помогал. Нас же пятеро. Я — старший. Потом в город уехал. Война. Воевал. После войны в колхозе робыл. Так у меня пять классов образования и осталось.

— Ну, дед, ну, сам подумай: как они нас жизни учить-то будут? Ни войны, ни голода. — Митька сам впал в размышления.

— В том-то и дело: как? — не унимался дед. — Вот вы, молодежь, с жиру-то и беситесь — жизни не знаете! Жить не умеете. А мы жизнь рано узнали, как война пришла... Сколько ребят погибло — дружков моих. Они жизнь умели ценить, да она их не пощадила.

У деда почему-то покраснели глаза.

— Расскажи о войне, — попросил Митя.

— Не приведи, Господи! — Он всегда так начинал, когда говорил о войне. — Эх! Я ж в город уехал, когда семнадцать годков мне было. Год себе приписал, очень в армию хотелось, не то, что вы сейчас. А уж потом и война. И так получилось, что семь лет я дома не был. И где я за это время ни був. В Ленинграде був, в Средней Азии був, на Урале був, в Крыму був. А домой хотелось, спасу нет. Слухай! И вот война дошла до наших мест. Да. На родине воевать страшней всего. Везде все родное, тобою сотворённое, а по нём

— гранатой, миной, бомбой... А ёлка уже тогда росла, «сидушки» не было, а елка приметная, одна на всю округу. Деревня рядом. Домой хотца, аж внутри колотит! Ничего о своей семье не знаю, под немцем были. Живы ли? Говорю старшине нашему: так, мол, и так, дом рядом, деревня родная. Он с понятием, отпустил. Иди, говорит, а к утру чтоб был. Домой ночью пришёл. Стучаю в ворота. Спрашивают: Кто?.. Отвечаю: «Я, ма-мо». Ахнула она сдавленно, открыла дверь, а с места двинуться не может, ноги не идут. Я подскочил, у самого горло сдавило, слова не могу сказать. Бросилась она мне на шею, плаче и цилуе. Я чуток отдышался и говорю: «Что ж вы плачете, живой я». А она плаче и цилуе. Потом сестры выскочили, тоже повисли на мне, голосют. А батька в трудовую армию забрали. Мосты строив, заводы возводил.

Всю ночь не спали. Мама моя, бабушка ваша, глаза от меня боялась отвести. А ночь быстро прошла — какая ночь летом, да еще когда пять лет не виделись. Утром вышли во двор, а перед воротами все село собралось. Как узнали? И то. Я ж первый, кто с войны вернулся. Все спрашивают: «Моего не бачив? А моего не бачив?» А война — она не курорт, там редко кого судьба сводила. Никого я не бачив.

Провожали за околицу всем селом...

Митя раз сто слушал эту историю, но и сейчас сидел, как замороженный. И сопереживал, да так, что забыл, где сидит и какой год сейчас. В его воображении мелькали, как кадры документальных фильмов, сожжённые сёла, солдаты, плачущие женщины. И дед, который никак не представлялся молодым. Маленький, щупленький, старенький дедушка, который победил в той страшной войне.

— А вы жить не умеете. Не дай Бог злая година, — закончил дед свой рассказ. И добавил, — пока не умеете.

Дождь кончился. Туча ушла. Земля набухла, развязла. Дед и Митя вылезли из укрытия и пошли к деревне. Под ногами то хлюпала вода, то хрюкала грязь, хватая за ботинки, как липкими щупальцами.

Но над полем уже встала радуга.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. В. ПЕТРОВА. В память поколений</i>	3
Елена НЕМЦЕВА. Звонница	5
Орловщина — мой край родной...	
<i>Вадим ЕРЕМИН. Память жива</i>	8
Алексей КАРПОВ	9
Александра АРНАУТОВА	9
Николай КУЗЬМИН	10
Лилия МАМЕДОВА	10
Кристина БАБАЕВА	13
Денис БОБКИН	15
Юлия БОЛТОВСКАЯ	15
Юлия ЖУКОВА	16
Александр ЛЕОНОВ	16
Алексей БАРАН	17
Инга НЕМОВА	18
Игорь КРЕСТЬЯНОВ	19
Анастасия ЖИЛИНА	19
Ольга СОКОВА	20
Татьяна ИНЧИНА	21
Кристина ЛЕШКЕВИЧ	25
Мария ЕМЕЛЬЯНОВА	27
Иван ЧЕРКАСОВ	30

Ирина ЖИЛЯКОВА	31
Михаил ЗАЛЕЗНЯК	34
Елена ВАСИЛЬЧИКОВА.....	37

И это, кажется, под Курском было...

<i>Вадим Корнеев. А мои-то куряне</i>	42
Антон БУХТИЯРОВ	43
Дмитрий ФЕДОРОВ	44
Александр ГРИШАКОВ	45
Андрей СОПОВ	46
Артем ЩАВЕЛЕВ	47
Александр ТОМИЛИН	48
Зинаида МАЛЬКОВА	50
Наталья ДОРОЖКОВА	51
Татьяна ОРЖЕГА.....	52
Анна ШМЫГЛЕВА.....	54
Наталия ХИЛЬЧУК	57
Яна УСЕНКО	60
Виктор КРЕЧЕТНИКОВ	64
Александра ЧЕКАРЕВА	67
Оксана ЯКОВЛЕВА	69
Лариса РУСАНОВА	72
Екатерина ФУРСОВА.....	74

Есть в Прохоровке поле боевое...

<i>Валерий Черкесов. И это — главное</i>	81
Алена КУЗУБОВА	82
Владимир ШУВАЛОВ	82
Артем ШАНДАКОВ	82
Мирослава ЮРИНА	83
Алексей ДЕКАНЬ	83
Александр ХОРХОРДИН	84
Александр ПОДБЕЛЬЦЕВ	85
Кристина НАЗИНА	86
Евгений МОЛЯРЕНКО	86
Лилия ТИТОВА	88
Екатерина ОГУРЦОВА	88
Алексей ШЕВЦОВ	89
Евгения БЕСХМЕЛЬНИЦЫНА	90
Никита БОГОМАЗ	91
Алексей КИЯЩЕНКО	92
Юлия ХАУСТОВА	93
Владимир ЩЕПУНОВ	95
Алена СЕРЕНКО	95
Андрей ГАВРИЛЕНКО	97
Анна ТОЛКАЧЕВА	100
Александр ЛАТЫШЕВ	101
Яна СБИТНЕВА	106
Марина КОРОТКИХ	108
Наталья СТЕПАНОВА	109
Денис ЧЕРНУХИН	111
Светлана КРАВЧЕНКО	112
Ольга ГРИГОРОВА	114

Дмитрий ЛИКАРЧУК	115
Юлия СЕРГЕЕВА	118
Наталья ЧЕРНОВА	119
Екатерина ГАЛУЦКИХ	121
Алексей КРИВОНОС	123
Надежда МИРИНИНА	124
Владлена АГАБЕКЯН	127
Антон ИВАНЕНКО	129
Анна ЛИТВИНЕНКО	132
Анастасия ГОНЧАРУК	134
Юлия МАРТЫНОВА	135
Сергей БЕРЕГОВОЙ	136

Твоё слово о подвиге
Стихи и проза юных авторов
Литературно-художественное издание

Сдано в набор 15.12.2003. Подписано в печать 20.04.2004.
Формат бумаги 60x84¹/₁₆. Печ. листов 8,37. Уч.-изд. лист. 7,75.
Тираж 1000 экз. Заказ 12379.

ГП «Белгородская областная типография»
г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, 111а. Тел. 26-25-63.